

Очарованный кровью

Автор:

Дин Кунц

Очарованный кровью

Дин Рэй Кунц

Молодая привлекательная женщина Кот Шеперд лишь чудом уцелела в кровавой резне, учиненной неизвестным преступником на отдаленной ферме в Калифорнии. Трудно забыть весь ужас происшедшего, сбросить с себя липкую паутину страха. И когда уже кажется, что все позади, безжалостная судьба снова сталкивает Кот с убийцей. Только одному из них суждено уцелеть в этой беспощадной схватке.

Дин Кунц

Очарованный кровью

Эта книга посвящается Флоренс Кунц —

моей давно утраченной матери, моему доброму гению и хранителю.

Надежда – это цель, к которой мы стремимся,

Любовь – вот путь, что к ней нас приведет,

Опорой мужество нам в том пути послужит.

Из мрака к вере человек взойдет.

«Книга Печалей»

Глава 1

Алый свет заходящего солнца все еще озарял самые высокие бастионы горной гряды, и в его меркнувшем сиянии казалось, будто склоны холмов охвачены огнем. Слетающий с высот прохладный ветерок громко шелестел высокой сухой травой, которая, будто река расплавленного золота, стекала по склонам холмов вниз, к тенистой плодородной долине.

Он стоял по колено в траве, засунув руки глубоко в карманы грубой хлопчатобумажной куртки, и смотрел на раскинувшиеся внизу виноградники. На зиму лоза была подрезана коротко, а новый вегетативный период едва-едва начался. Несмотря на это, дикая горчица, которая разрослась между рядами в зимние месяцы, уже была выполота, а ее корни – запаханы в черную, плодородную землю.

Казавшиеся бесконечными виноградники со всех сторон окружали амбар, хозяйственные постройки и небольшой домик управляющего. Если не считать амбара, то самым большим строением была усадьба владельцев, выдержанная в викторианском стиле с его высокими фронтонами, щипцовыми крышами, кружевными окнами мансарды, декоративной резьбой под свесами карнизов и наличников и полукруглой аркой над ступенями крыльца.

Пол и Сара Темплтон жили здесь круглый год, а их дочь Лаура изредка наезжала из Сан-Франциско, где посещала университет. В эти выходные она тоже должна быть здесь...

Он прикрыл глаза и вызвал в памяти лицо Лауры. Образ вышел весьма подробным, почти таким, как мельком увиденная фотография. Как ни странно, безупречно-правильные черты девушки заставили его подумать о мясистых, сладких ягодах пино нуар или гренаш[1 - Пино нуар и гренаш – сорта крупного черного винограда. – Здесь и далее прим. пер.] с их полупрозрачной темно-пурпурной кожицей. Ассоциация была такой яркой, что он буквально почувствовал на языке вкус красного сока, который вытекает из раздавленных его зубами плодов.

Сквозь провалы в зубчатой гряде брызнули последние лучи медленно тонущего солнца – острые и столь тепло окрашенные, что казалось, будто в тех местах, где они падают на темнеющую землю, влажная почва впитывает их в себя, навечно окрашиваясь в пурпурный и золотой цвета. Красная трава понемногу перестала напоминать степной пожар и стала похожа на багровый прилив, омывающий его колени.

Он повернулся спиной к домам и виноградникам. Все еще чувствуя во рту привкус раздавленных виноградин, он зашагал вперед, и вскоре тень высоких лесистых вершин укрыла его.

Ноздри его щекотали запахи мелких степных зверюшек, прячущихся на ночь в свои норы; уши ловили шорох крыльев охотящегося ястреба, который кружил в сотнях футов над головой, а по коже, которой коснулась прохлада еще невидимых звезд, побежали приятные мурашки.

Урча мотором, машина легко рассекала капотом целое море волшебного красного света, и тени нависавших над дорогой деревьев пробегали по ветровому стеклу, словно размытые очертания стремительных акул. Лаура Темплтон вела «Мустанг» по извилистому асфальтированному шоссе с такой небрежной легкостью, что Котай Шеперд не могла ею не восхищаться, хотя, на ее взгляд, скорость была чересчур велика.

– Не жми так, – попросила она. – У тебя слишком тяжелая нога.

Лаура ухмыльнулась.

– Это лучше, чем увесистая попа, – откликнулась она.

– Ты убьешь нас обеих.

– Мама считает, что опаздывать к ужину – верх неприличия.

– Лучше опоздать, чем не приехать никогда.

– Ты просто не знаешь мою мамочку. Она свято придерживается правил.

– Полиция тоже.

Лаура звонко расхохоталась:

– Иногда ты говоришь точь-в-точь как она.

– Кто?

– Моя мама.

Вцепившись в поручень на очередном крутом повороте, Котай несмело заметила:

– По крайней мере, одна из нас не должна забывать о том, что мы уже взрослые и несем определенную ответственность...

– Иногда я просто не могу поверить, что ты всего на три года старше меня, – проникновенным голосом сообщила Лаура. – Тебе ведь двадцать шесть, верно? Ты абсолютно уверена, что не сто двадцать шесть?

– Да, я совершенная старуха, – согласилась Котай.

Из Сан-Франциско они выехали еще утром, воспользовавшись четырехдневным перерывом в занятиях в Калифорнийском университете, в котором уже этой весной обеим предстояла защита диплома на звание магистра психологии. Разница в возрасте объяснялась тем, что Лауре не было нужды откладывать свое образование из-за необходимости зарабатывать на жизнь и на учебу, в то время как Котай в течение десяти лет занималась по сокращенной академической программе, одновременно работая официанткой – сначала у «Деннис», потом в «Оливковой ветви»; лишь недавно она получила работу в ресторане высшего разряда, который отличали белоснежные скатерти, льняные салфетки и цветы на столиках. И, самое главное, здешние клиенты (благослови их господь!) не забывали оставлять ей щедрые чаевые в размере от пятнадцати до двадцати процентов от общей стоимости заказанного. Сегодняшняя поездка с Лаурой в долину Напа была первым ее отдыхом за все десятилетие.

От Сан-Франциско Лаура сразу свернула на шоссе Интерстейт-180, ведущее через Беркли вдоль восточного побережья бухты Сан-Пабло. Там они увидели, как голубая цапля, обходившая дозором заиленное мелководье, внезапно прыгнула в воздух и полетела, грациозно взмахивая крыльями, – неправдоподобно большая, словно доисторический ящер, и невыразимо прекрасная на фоне чистого небосвода.

Ближе к вечеру на небе появились легкие барашки облаков, которые закат окрасил в алый цвет. Долина Напа разворачивалась перед ними, словно огромный сверкающий ковер, и Лаура свернула с шоссе, предпочтя более живописный маршрут, однако скорости не сбавила, так что Котай почти не удавалось оторвать взгляд от несущегося под колеса асфальта и полюбоваться пейзажем.

– Боже, как я люблю быструю езду! – воскликнула Лаура.

– Я ее ненавижу.

– Мне нравится мчаться во весь дух, лететь, едва касаясь земли. Может быть, в своей прошлой жизни я даже была газелью. Как ты думаешь?

Котай поглядела на спидометр и состроила испуганную гримаску:

– Возможно. А может быть, ты была буйнопомешанной, которая всю жизнь просидела в Бедламе.

– Или гепардом... Гепарды бегают еще быстрее.

– Ага, гепардом. Тем самым, который погнался за дичью и на полном скаку сверзился с утеса в пропасть. Как Уайл Э. Койот[2 - Уайл Э. Койот – легендарный американский охотник.].

– Я хорошо вожу, Кот.

– Я знаю.

– Тогда расслабься.

– Не могу.

Лаура лицемерно вздохнула:

– Совсем не можешь?

– Только во сне, – ответила Котай и едва не продавила днище машины, в которое со всей силы уперлась ногами на крутом вираже. За узкой, засыпанной гравием обочиной дороги начинался крутой откос, заросший дикой горчицей и ежевикой. Чуть дальше выстроились в ряд высокие деревья – кажется, это была черная ольха, – ветви которых покрылись рано набухшими почками. За деревьями начинались бесконечные виноградники, утопающие в половодье красного света, и Котай ясно представила себе, как «Мустанг», соскользнув с гудроновой спины шоссе, летит по насыпи вниз, как врезается в деревья и как ее кровь течет на землю, удобряя собою и без того жирный чернозем.

Но Лаура без труда удержала машину на полотне дороги. «Мустанг» вышел из виража и стал карабкаться вверх.

– Готова спорить, ты и во сне не перестаешь тревожиться по пустякам, – добродушно предположила Лаура.

– Рано или поздно в каждом сне появляется черный человек, которого приходится остерегаться.

– Мне часто снятся сны, в которых нет никакой Буки, – заявила Лаура. – Чудесные, удивительные сны.

– Как тебя выстреливают из пушки?

– Это было бы только интересно. Нет, но зато я часто летаю во сне. И всегда – обнаженной... Не летаю даже, а плыву футами в пятидесяти над землей – над телефонными проводами, над полянами, полными ярких цветов, и над верхушками деревьев. Я свободна как ветер, и люди внизу задирают головы и с улыбкой машут мне руками. Они очень рады за меня – просто счастливы, что я умею летать. А иногда мы летаем вдвоем с одним подтянутым и мускулистым юношей, у него длинные золотистые волосы и прекрасные зеленые глаза,

которые глядят буквально мне в душу. Мы даже любовью занимаемся, не опускаясь на землю: мы парим в небе, и я купаюсь в лучах солнца и кончаю несколько раз подряд, а подо мной зеленеет трава, и птицы с бирюзовым оперением проносятся прямо над моей головой и поют самые удивительные птичьи песни, которые никто никогда не слышал. В эти мгновения мне кажется, будто меня заполняет изнутри ослепительно яркий свет, и я понемногу превращаюсь из человека в вольное дитя эфира и солнца, которое вот-вот взорвется, взорвется с такой силой, что породит новую вселенную и само станет вселенной, которая будет существовать вечно. Тебе когда-нибудь снилось нечто подобное?

Котай с трудом оторвала взгляд от ленты шоссе, которая разматывалась с умопомрачительной скоростью. Несколько мгновений она удивленно смотрела на Лауру и наконец покачала головой:

– Нет.

Лаура бросила на нее быстрый взгляд, ненадолго отвлекшись от управления:

– В самом деле? Никогда ничего похожего?

– Ничего.

– А мне часто снится нечто подобное.

– Может быть, ты все-таки будешь смотреть не на меня, а на дорогу, золотко?

Лаура глянула на шоссе, но тотчас снова повернулась к Котай:

– А секс тебе никогда не снится?

– Иногда.

– И?..

– Что?

– И?..

Котай пожала плечами:

– Ничего особенного.

Лаура слегка нахмурилась и промолвила с сожалением в голосе:

– Тебе снится обычный секс? Но послушай, Кот, ведь если тебе этого хочется, то существуют десятки парней, которые способны делать это наяву.

– Нет уж, спасибо. – Котай саркастически хмыкнула. – Я имела в виду мои кошмары, ту неясную угрозу, которую я иногда ощущаю.

– Секс тебя пугает?

– Возможно. Дело в том, что во сне я всегда маленькая девочка – лет шести или семи, – и я всегда прячусь от этого черного человека, потому что не знаю, что ему от меня надо и почему он преследует меня. Я понимаю только одно: он хочет чего-то такого, чего не имеет права желать, чего-то настолько ужасного, что для меня это будет все равно что смерть.

– А что это за человек?

– Каждый раз это совсем разные люди.

– Кто-нибудь из тех альфонсов, с которыми встречалась твоя мать? – Вопрос Лауры не был неожиданным: Котай много рассказывала ей о своей матери, в том числе такого, чего не рассказывала никогда и никому.

– Да, это они. В настоящей жизни мне всегда удавалось убежать, и никто из них меня ни разу пальцем не тронул. Но во сне всегда присутствует угроза, возможность того, что...

– Значит, это не просто сны. Это сны-воспоминания.

- Хотела бы я, чтобы это были просто сны!..
- А что бывает, когда ты не спишь? – спросила Лаура.
- Что ты имеешь в виду?
- Ну... ты расслабляешься, когда мужчина занимается с тобой сексом? Ты отдаешься ему целиком или... или прошлое никогда не оставляет тебя?
- Что это? Психоанализ на скорости восемьдесят миль в час?
- Ага, уходишь от ответа?!
- А ты суешь нос в чужие дела.
- Это просто дружеское желание помочь.
- Это праздное любопытство.
- Снова пытаешься уйти от ответа?

Котай вздохнула:

- Ну хорошо. Мне нравится быть с мужчинами. Я не недотрога какая-нибудь, хотя – вынуждена признать – я никогда не ощущала себя дочерью солнца и эфира, как некоторые, чье раздутое чрево готово вот-вот лопнуть и извергнуть из себя новую вселенную. Тем не менее я всегда достигала кульминации, и секс приносил мне удовлетворение.
- Полное?
- Полное.

На самом деле Котай не была близка с мужчинами до тех пор, пока ей не стукнуло двадцать один, и в настоящее время число ее побед на любовном фронте равнялось двум. Оба ее любовника были добрыми, отзывчивыми и вполне

приличными людьми, близостью с которыми она действительно наслаждалась. Первое приключение продолжалось одиннадцать месяцев, а второе – тринадцать, и никто из ее мужчин не ранил Котай и не оставил после себя горьких воспоминаний. Вместе с тем ни один из любовников не помог ей справиться с кошмарами, которые с завидной регулярностью продолжали вторгаться в ее сны, так что ей так и не удалось установить с ними крепкую эмоциональную связь, которая по силе своей хотя бы приближалась к физическому течению. Иными словами, человеку, которого она любила, Котай могла отдать только свое тело, но не разум и не сердце. Она боялась положиться на кого-нибудь полностью, безоговорочно поверить постороннему человеку. Вот как получилось, что ни один человек в ее жизни – за исключением, возможно, Лауры Темплтон, бесстрашной автогонщицы, любившей летать во сне, – не сумел завоевать ее полного доверия.

За окнами машины пронзительно выл и визжал ветер. В череде мелькающих теней и пятен краевого света затяжной подъем впереди выглядел как стартовый стол авианосца, который должен был выбросить их прямо в космос, или как трамплин-горка, благодаря которому разогнавшийся «Мустанг» под рев и визг трибун перелетит через дюжину пылающих автобусов.

– Что, если колесо лопнет? – спросила Котай.

– Не лопнет, – уверенно отозвалась Лаура.

– А все-таки? Вдруг?..

Лаура повернулась к ней и, изобразив на своем лице зловещую демоническую усмешку, сказала преувеличенно спокойно:

– Тогда мы обе превратимся в новые консервы «Фарш из девушек». Коронер не сумеет даже разобраться, где было чье тело – мы превратимся в однородную, равномерно перемолотую массу. Нам даже гробы не понадобятся – наши останки сольют в железную бочку и зароят в одной могиле, а на каменной плите напишут: «Лаура – Котай Темплтон – Шеперд. Только шеф-повар мог сработать лучше».

Она почти не преувеличивала. Правда, волосы Котай были такими темными, что казались почти черными, в то время как Лаура от рождения была голубоглазой

блондинкой, однако во всем остальном они были настолько похожи, что их часто принимали за сестер. Обе имели рост пять футов и четыре дюйма, обе были стройны и носили платья одного и того же размера, у обоих высокие скулы оттеняли красоту правильных черт. Правда, Котай всегда считала, что ее рот несколько широковат, однако Лаура, обладавшая точно таким же ртом, убедила ее, что он не большой, а «щедрый», благодаря чему можно с особым успехом демонстрировать окружающим победоносную улыбку.

Тем не менее приверженность Лауры к быстрой езде свидетельствовала, что в чем-то они были совершенно разными людьми, однако именно различия, а не сходство помогли им сначала сблизиться, а затем и подружиться.

– Как ты думаешь, я понравлюсь твоим папе и маме? – с тревогой спросила Котай.

– А я думала, что ты боишься, не лопнет ли покрышка.

– Я умею беспокоиться о многих вещах одновременно, – парировала Котай. – Ну, так что скажешь?

– Конечно, почему бы нет? А знаешь, о чем я беспокоюсь? – в свою очередь спросила Лаура и прибавила газу, заведя впереди конец подъема.

– Уж конечно, не о своей несвоевременной кончине.

– О тебе. Я беспокоюсь о тебе. – Она озабоченно посмотрела на подругу.

– Я вполне способна сама о себе позаботиться, – уверила ее Котай.

– В этом я не сомневаюсь, я тебя слишком хорошо знаю. Но жизнь, к сожалению, требует от человека не только умения позаботиться о себе, не только способности стиснуть зубы и, наклонив голову, пробиться к цели сквозь кирпичную стену.

– Мисс Лаура Темплтон, великая женщина-философ.

– Жизнь требует от человека жить.

– Какая глубокая мысль! – Котай не сдержала сарказма. – Глубже, чем ты думаешь.

«Мустанг» взлетел на вершину горы, и Котай, к своему огромному удивлению, не увидела под собой ни черной пустоты космоса, ни чадящих автобусов, ни толп зевак, рукоплещущих головоломному прыжку. Впереди – и чуть ниже – спускался с горы допотопный «Бьюик», который явно двигался много медленнее максимальной скорости, разрешенной на этом участке пути. Лаура была вынуждена тоже притормозить и пристроилась вплотную за развалюхой. Несмотря на то, что последние отсветы заката понемногу начинали таять в прохладном воздухе, Котай сумела рассмотреть за рулем «Бьюика» пожилого мужчину с седой головой и круглыми сутулыми плечами.

Они были в зоне действия знака «Обгон запрещен». Дорога то шла вниз, то вновь взбиралась на возвышенность, сворачивала то вправо, то влево, снова шла в гору, и тогда шоссе просматривалось на несколько миль вперед.

Плетясь за «Бьюиком» со скоростью, которую она явно считала черепашьей, Лаура несколько раз мигнула фарами в надежде заставить водителя либо прибавить газу, либо прижаться к обочине и пропустить их вперед.

– Последуй своему собственному совету и расслабься, – поддразнила ее Котай.

– Терпеть не могу опаздывать к ужину.

– Судя по тому, что ты рассказывала о своей матушке, я не думаю, что она высечет нас проволоочными плечиками для одежды.

– Моя мамочка – самая лучшая!

– Вот и успокойся.

– Но она умеет так на тебя посмотреть, что сразу начинаешь чувствовать себя гораздо хуже, чем если бы отведала плечиков. У нее на лице появляется такое разочарование... Многие люди этого не знают, однако именно благодаря мамочке прекратилась холодная война. Несколько лет назад Пентагон послал ее в Москву, чтобы она посмотрела в глаза членам этого проклятого Политбюро, и

все русские убийцы и головорезы сразу раскаялись!

Мужчина в «Бьюике» поправил зеркальце заднего вида. Его седые волосы, отливающие серебром в свете фар «Мустанга», постав головы и темные пятна глаз, промелькнувшие в зеркале, неожиданно вызвали у Кот острейшее ощущение дежа-вю. Сначала Кот даже не поняла, отчего вдоль спины вдруг побежал холодок, но в следующее мгновение она уже сорвалась в пучину памяти, миготнув в далекое прошлое, к аварии, которую так долго – и безуспешно – старалась забыть. Это тоже случилось в сумерки, на пустынном шоссе во Флориде, девятнадцать лет назад.

– О господи!.. – выдохнула она.

Лаура быстро посмотрела на нее:

– Что с тобой?

Котай закрыла глаза.

– Ты стала белой как стена, Кот. В чем дело?

– Очень давно... когда я была совсем маленькой, семилетней... Кажется, мы тогда жили в Эверглейде, а может быть, и нет... Там была болотистая низина и совсем мало деревьев, а те, что каким-то чудом выросли, – все были задушены испанским мхом. Везде, насколько хватало глаз, лежала ровная, как стол, болотистая низина – только она и небо, и красный свет заходящего солнца, совсем как сейчас, и черное шоссе... Типичная сельская глубинка, рассеченная двухрядным шоссе, одиноким и пустынным...

Котай была в машине со своей матерью и Джимом Вульцем, торговцем наркотиками из Ки-Уэста, не брезговавшим и контрабандой оружия. Ее мать сходилась с этим человеком несколько раз, но их связь продолжалась обычно не больше полутора-двух месяцев. Помнится, тогда он взял их с собой в деловую поездку, и они как раз возвращались в Ки-Уэст, когда все это случилось...

У Вульца был красный «Кадиллак» – пять тонн блестящих хромированных деталей с массивными задними крыльями – «рыбьими плавниками», как они

тогда назывались. Шоссе было прямым, и Вульц гнал во всю мочь, на некоторых участках выжимая из мотора по сто миль в час. В течение целых пятнадцати минут им не попадалось никаких других машин, и только потом ревущий «Кадиллак» нагнал пожилую пару в бежевом «Мерседесе». За рулем сидела женщина, напоминающая птицу короткой седой стрижкой и худым профилем. На вид ей было лет семьдесят пять. «Мерседес» тащился со скоростью не больше сорока миль в час, и Вульц мог без труда обогнать его, благо участок, где обгон был запрещен, закончился уже давно, а шоссе словно вымерло.

– Но он что-то задумал, – продолжала рассказывать Кот, по-прежнему не открывая глаз и с нарастающим ужасом следя за тем, как перед ее мысленным взором, словно в кино, разворачиваются одна за другой страшные картины прошлого. – К тому же большую часть времени сожитель матери находился под кайфом. Возможно, в тот день он тоже нанюхался кокаина, не знаю... Вернее, не помню. Я, во всяком случае, почти не видела его трезвым. Они – я имею в виду и свою мать тоже – постоянно пили, и в ледяном охладителе было полно водки и грейпфрутового сока. Старушка в «Мерседесе» действительно ехала довольно медленно, и Вульц завелся. Он никогда не отличался рациональным мышлением, а теперь просто взбесился. Он мог преспокойно обогнать «Мерседес», но этого ему казалась мало. То, что эта женщина едет с такой скоростью на абсолютно пустом шоссе, подействовало на него как красная тряпка на быка. И он был пьян. Когда что-то сердило его, Вульц поступал так, что... На него и смотреть-то становилось страшно: глаза наливались кровью, на шее вздувались вены, а желваки на скулах торчали что твои яблоки. Ни один человек не умел приходить в такое бешенство, как Джим Вульц. От ярости он не помнил себя, но эти приступы приводили мою мать в восторг. Всегда. И поэтому она всегда начинала поддразнивать его, чтобы завести еще больше. Так было и в тот раз. Я сидела на заднем сиденье и молилась, чтобы она перестала и чтобы все обошлось, но она продолжала подначивать его.

Некоторое время Вульц держался за «Мерседесом» почти вплотную, гудел и мигал фарами, стараясь заставить старуху ехать быстрее. Несколько раз он наподдал их машину бампером своего «Кадиллака», да так, что железо заскрежетало о железо. В конце концов он так напугал женщину, что она принялась метаться из стороны в сторону, боясь ехать быстрее, пока это чудовище будет следовать за ней по пятам, и боясь свернуть на обочину и пропустить нас вперед.

– Разумеется, – добавила Котай, – в последнем случае Вульц ни за что не проехал бы мимо и не оставил бы ее в покое. К этому времени он окончательно вышел из себя. Если бы она остановилась, он бы тоже остановился, и все это кончилось бы плохо. Впрочем, все и так кончилось хуже некуда...

Несколько раз Вульц подъезжал к «Мерседесу» почти вплотную и отжимал его на встречную полосу, он выкрикивал грязные ругательства и грозил кулаком пожилым супругам, которые поначалу пытались не обращать на него внимания, но потом, словно загипнотизированные, отвечали ему испуганными взглядами. Он мог уже сотню раз обогнать их, предоставив «Мерседесу» пробираться сквозь облако пыли, поднятое его «Кадиллаком», однако Вульц снова и снова возвращался назад, чтобы еще раз ударить бампером о бампер. Для него, одурманенного наркотиком и алкоголем, это было не игрой, а серьезным делом, всей важности и значения которого не мог бы постичь здравомыслящий, трезвый человек. Для Энне, матери Котай, это было всего лишь захватывающим приключением, и именно она, стремясь к новым острым ощущениям, сказала: «Почему бы тебе не проверить, как она умеет водить машину?» – «Проверить?! – взревел Вульц. – Я и без всяких проверок вижу, что эта старая сука сидит за баранкой второй раз в жизни!»

И он снова нагнал «Мерседес», уравнив скорости обеих машин.

Энне сказала: «Давай посмотрим, сумеет ли она удержаться на дороге. Я это имела в виду. Пусть пропотеет как следует!»

Для Лауры Котай пояснила, что параллельно шоссе проходил дренажный канал, которые часто встречаются вдоль флоридских дорог.

– Мне представляется, что он был не слишком глубокий, но и не такой, чтобы курица вброд перешла. «Кадиллак» Вульца совсем прижал «Мерседес» к обочине, и женщине за рулем оставалось только ответить ударом на удар или нажать на газ – так, чтобы стрелка спидометра уперлась в ограничительный столбик, – и уносить ноги. Нет никаких сомнений, что их «Мерседес» сумел бы уйти от «Кадиллака», но женщина была слишком стара или слишком испугана, а может быть, она никогда не встречалась с такими, как Вульц. Наверное, она просто не понимала, что он за тип и как далеко может зайти, ведь ни она, ни ее муж ничего ему не сделали. Словом, он столкнул ее с дороги, и «Мерседес» покатился прямо в канал...

Вульц остановился, потом дал задний ход и вернулся к тому самому месту, где быстро погружалась в воду вторая машина. Он и Энне вышли на дорогу, чтобы полюбоваться делом своих рук, а мать Кот настояла, чтобы ее дочь тоже смотрела.

«Иди скорее, цыпленочек, ведь ты же не хочешь пропустить это, правда? Ты на всю жизнь запомнишь это приключение».

«Мерседес» лежал на правом боку на заиленном дне канала, и они, стоя на шоссе и вдыхая влажный, полный болотистых испарений вечерний воздух, видели под водой окошко с водительской стороны. Тучи moskitov набросились на них с кровожадным гудением, но на этих насекомых никто не обращал внимания – настолько сильно все трое были поглощены открывшимся им зрелищем.

– Стояли сумерки, – рассказывала Котай Лауре, облекая в слова образы, которые проносились на экране ее опущенных век. – Фары «Мерседеса» продолжали светить даже после того, как он ушел под воду, и в салоне тоже горел свет. Наверняка у них стоял и кондиционер, потому что все окна оказались закрытыми, а когда машина полетела под откос, ни одно не разбилось и даже не треснуло. Мы прекрасно видели все, что делалось внутри машины, потому что ее покрывало всего лишь несколько дюймов воды. Мужчины не было – должно быть, он потерял сознание, когда «Мерседес» летел с горы, но женщина... Она прижалась лицом к окну. Салон заливало водой, но наверху, у стекла, еще оставался пузырь воздуха, и она из последних сил тянулась туда, чтобы дышать. А мы стояли наверху и смотрели. Вульц мог бы помочь ей, моя мать могла помочь, но они просто стояли и смотрели. Дверь, наверное, заклинило, а открыть окно женщина не сумела. Должно быть, она растерялась или испугалась сверх меры.

Котай пыталась отвернуться, но мать удержала ее и быстро заговорила. Слова вырывались из ее рта вместе с запахом водочного перегара и кислого грейпфрутового сока: «Мы – не такие, как все, крошка. Никакие правила нас не касаются. Ты никогда не поймешь, что такое настоящая свобода, если не станешь смотреть!»

Тогда Котай закрыла глаза, но все равно продолжала слышать отчаянные крики старой женщины, которая задыхалась в ушедшей под воду машине. Впрочем, крики становились все глуше.

– Ее крики становились все слабей и слабей... и наконец она замолчала, – продолжала рассказывать Котай. – Когда я открыла глаза, сумерки уже сгустились и наступила настоящая ночь. В «Мерседесе» все еще горел свет, и эта женщина все прижималась лицом к стеклу, но ночной ветер взрыбил воду канала, и ее черты расплылись. Я поняла, что она мертва. И она, и ее муж. Тогда я заплакала, и Вульцу это очень не понравилось. Он даже пригрозил, что засунет меня к ним в «Мерседес», а мать заставила меня выпить водки с соком. Мне было только семь, и всю дорогу до Ки-Уэста я провалялась на заднем сиденье, оглушенная спиртным. От водки я опьянела, и еще меня немного тошнило, но я все равно продолжала плакать – тихонечко, чтобы Вульц не услышал и не рассердился опять. Потом я заснула.

В салоне «Мустанга» Лауры не раздавалось никаких звуков, кроме негромкого рокота двигателя и шуршания колес по асфальту.

В конце концов Котай открыла глаза, понемногу возвращаясь из сырых флоридских сумерек в долину Напа, где красный отсвет вечерней зари почти совсем погас и со всех сторон подступала ночная мгла.

Пожилого мужчины в «Бьюике» уже нигде не было видно, да и «Мустанг» больше не мчался вперед с прежней головокружительной скоростью, так что, возможно, тихоходная развалюха ушла далеко вперед.

– Боже мой! – негромко вздохнула Лаура.

Котай почувствовала, что ее всю трясет. Тогда она достала несколько салфеток из лотка между сиденьями, высморкалась и промокнула глаза. За несколько лет дружбы с Лаурой она много раз рассказывала ей о своем детстве, но каждая история – а в ее прошлом их оставалось еще немало – давалась Кот нелегко. Когда она начинала вспоминать, ее тут же принимался терзать жгучий стыд, словно она тоже была в чем-то виновата, словно кто-то мог обвинить ее в каждом преступлении и в каждом приступе неистовства матери, как будто Кот не была невинным, беспомощным ребенком, случайно попавшим в мясорубку чужих безумств.

– Ты думаешь еще когда-нибудь увидеться с матерью? – спросила Лаура.

Кот все еще не могла прийти в себя от ужаса.

– Не знаю.

– А хотела бы?

Котай заколебалась. Руки ее сами собой сжались в кулаки, сминая влажные салфетки.

– Может быть.

– Господи помилуй! Для чего?

– Чтобы спросить у нее – почему? Чтобы попытаться понять и кое-что решить для себя... А может быть, и нет.

– Ты знаешь, где она сейчас живет?

– Нет. Но я бы не удивилась, если бы узнала, что она сидит в тюрьме или даже умерла. Нельзя так жить и надеяться дотянуть до старости.

Дорога стала спускаться с холмов в долину.

Котай неожиданно сказала:

– Я все еще вижу, как она стоит в туманной мгле на берегу этого проклятого канала: вся сальная, мокрая от пота, волосы слиплись, лицо распухло от комариных укусов, глаза ошалелые от водки. Но даже тогда, Лаура, она была самой красивой женщиной из всех, каких ты когда-либо видела. Мать всегда была очень хороша собой и внешне выглядела... совершенной – как персонаж из сна, как ангел небесный. Но особенно красива она становилась, когда возбуждалась, а возбуждалась она, если при ней совершалась какая-нибудь жестокость. Я все еще вижу, как она стоит на насыпи и как ее освещает пробивающийся из-под мутной воды зеленоватый свет фар «Мерседеса», благодаря которому ее только и можно было рассмотреть, – взволнованная, восхитительная, торжествующая, самая прекрасная женщина, – нет, не женщина, а богиня, которая сошла к нам с небес!

Понемногу дрожь, сотрясавшая тело Котай, унялась, да и краска стыда – правда, не сразу – отхлынула от щек. Кот была благодарна Лауре за участие и поддержку. Та была настоящим другом. До того как они познакомились, Котай сражалась со своим прошлым в одиночку, не имея возможности ни с кем поделиться своими страхами. Теперь, сбросив с души груз еще одного ненавистного воспоминания, она испытывала такое облегчение, что не в силах была выразить свою благодарность словами.

– Все хорошо, – промолвила Лаура, словно прочтя ее мысли. Дальше они ехали молча.

На ужин они опоздали.

* * *

Дом Темплтонов – викторианская усадьба с высоким щипцом, множеством просторных комнат и арками над передним и задним крыльцом – с самого начала показался Котай гостеприимным. Стоял он в полумиле от окружного шоссе, и к нему вела засыпанная гравием подъездная дорожка, обсаженная живописным кустарником и кленами. Вокруг простирались сто двадцать акров сплошных виноградников.

На протяжении трех поколений Темплтоны выращивали виноград, но никогда не производили вина. Семья жила тем, что поставляла свою продукцию одному из лучших винных заводов долины и – благодаря тому что их земельный участок был самым плодородным и давал самое качественное сырье – получала за урожай неплохие деньги.

Заслышав шум мотора и шуршание покрышек по гравию, Сара Темплтон сначала вышла на крыльцо, а потом спустилась на мощенную камнем дорожку, чтобы приветствовать Лауру и Котай. Это была миниатюрная, по-девичьи стройная женщина лет сорока с небольшим. Выглядела она много моложе своих лет, и впечатление это усиливалось благодаря стильной короткой стрижке, бежевым джинсам и изумрудной блузке с длинными рукавами, украшенной по воротнику травянисто-зеленой вышивкой. В ее облике было что-то детское и по-матерински зрелое одновременно. Обнимая дочь, Сара прижала ее к себе и поцеловала с такой нежностью, что Котай ощутила легкий укол зависти и почувствовала себя

несчастной оттого, что никогда не знала материнской ласки и любви.

Тем большим было ее удивление, когда миссис Темплтон повернулась к ней и, заключив в объятия, крепко поцеловала в щеку. Не выпуская Кот, она сказала:

– Лаура говорит, что ты для нее как сестра, которой у нее никогда не было, поэтому мне хотелось бы, чтобы ты чувствовала себя у нас как дома. Пока ты здесь, этот дом принадлежит тебе точно так же, как и нам.

В первые мгновения Котай, непривычная к ритуальным выражениям привязанности, напряглась и не знала, что ответить и как себя вести. Потом она неуклюже обняла Сару и смущенно пробормотала «спасибо». Отчего-то ее горло словно сжало судорогой, поэтому она удивилась, что сумела вообще что-то сказать.

Сара тем временем обняла обеих и, слегка подталкивая к широким ступеням крыльца, проговорила:

– Багажом займемся позже – ужин стынет. Идемте же, девочки. Лаура много рассказывала мне о тебе, Котай.

– Многое, но не все, мам, – тут же заметила Лаура. – Я скрыла, что Кот состоит членом тайной секты мумбо-юмбо и что за каждый день, который она проживет с вами, она должна будет принести в жертву по одному живому цыпленку. Ровно в полночь.

– Но мы только растим виноград, дорогая, – откликнулась Сара. – Ты же знаешь, что у нас нет никаких цыплят. Впрочем, после ужина можно будет съездить на одну из ближайших ферм и прикупить с десяток.

Котай расхохоталась и посмотрела на Лауру, словно хотела сказать: «Где же тот печально знаменитый взгляд?»

Лаура поняла:

– В твою честь, Кот, проволочные плечики, вымоченные розги и прочие подобные штуки отменяются.

– О чем ты, дорогая? – спросила Сара.

– Ну, ты же знаешь меня, мам, я жуткая болтушка. Иногда я даже сама не знаю, что я несу.

Пол Темплтон, отец Лауры, ждал их в просторной светлой кухне. Когда они вошли, он как раз вынимал из духовки противень с картошкой, запеченной с сыром.

Мистер Темплтон был подтянутым, ладным мужчиной пяти футов и десяти дюймов ростом, черноволосым и краснолицым. Отставив в сторону дымящийся противень, он сбросил с рук толстые кухонные рукавицы-ухватки и приветствовал Лауру так же тепло, как и Сара. После того как ему представили Кот, он взял ее руку в свои широкие, заскорузлые от работы ладони и сказал с напускной торжественностью:

– Мы молились, чтобы вы доехали благополучно. Скажите, моя дочь все еще обращается с «Мустангом», словно это «Бэтмобиль»?[3 - «Бэтмобиль» – машина Бэтмена, персонажа одноименного мультфильма.]

– Эй, пап, – вмешалась Лаура. – Разве ты не помнишь, кто учил меня водить машину?

– Я только объяснил тебе основополагающие принципы, – с достоинством возразил Пол. – И не ожидал, что вместе с ними ты усвоишь и мой стиль.

– Я предпочитаю не думать о том, как она ездит, – добавила Сара. – Когда она за рулем, меня просто мутит от страха.

– Взгляни правде в глаза, ма. У папы в крови сидит ген Индианаполис-500[4 - Индианаполис-500 – название скоростного шоссе в штате Индиана.], и он передал его мне.

– Она отлично водит, – сочла необходимым встать на защиту подруги Котай. – С Лаурой я всегда чувствую себя в безопасности.

В ответ Лаура подмигнула ей и показала сразу два больших пальца.

Ужин был продолжительным, ибо Темплтоны любили говорить друг с другом; да что там любили, они просто наслаждались неспешной застольной беседой. При этом все трое старались, чтобы Котай не чувствовала себя лишней и принимала в разговоре посильное участие. Казалось, их искренне интересует все, что она может им рассказать, однако даже в те немногочисленные моменты, когда разговор невзначай сворачивал на дела чисто семейного свойства, о которых Кот не имела никакого представления, она продолжала ощущать себя полноправной участницей беседы, словно каким-то волшебным образом породнившись с кланом Темплтонов.

Она узнала, что тридцатилетний брат Лауры Джек со своей женой Ниной живут в небольшом бунгало на территории фермы и что только предыдущие обязательства помешали им поужинать со всей семьей. Кот уверили, что утром она непременно их увидит, и она отчего-то не почувствовала того смущения, с каким ожидала знакомства с Сарой и Полом. На протяжении всей жизни у Кот не было ни одного места, где она могла бы по-настоящему чувствовать себя как дома, и хотя здесь она, возможно, тоже никогда не станет своей, ей было ясно, что в этом доме ее всегда приютят и приветят.

После ужина Лаура и Котай отправились пройтись по залитым лунным светом виноградникам – по рядам между низко обрезанной лозой, которая еще не выбросила ни усов, ни новых побегов. Прохладный ветер разносил над долиной приятный запах свежеспаханного чернозема, а в застывших темных посадках ощущалось присутствие тайны – тайны, которая показалась Котай и интригующей, и манящей, и вместе с тем не желающей, чтобы ее разгадали. Она как будто чувствовала со всех сторон чье-то незримое присутствие; возможно, то были древние и не всегда дружелюбные духи полей, ревностно охраняющие от посторонних какой-то свой самый славный секрет.

Зайдя далеко в посадки, они повернули обратно к дому, и Кот неожиданно сказала:

– Ты – самая лучшая подруга, которая у меня когда-либо была.

– Ты тоже, – негромко откликнулась Лаура.

– Больше того... – Котай не договорила. Она хотела сказать, что Лаура была ее единственной подругой, но не хотела предстать в чужих глазах несчастной или

какой-то неполноценной. Кроме того, никакие слова не сумели бы передать всех чувств, которые она испытывала к Лауре. В каком-то смысле они действительно успели породниться и стали даже ближе друг другу, чем сестры.

Лаура взяла ее за руки и промолвила:

– Я знаю.

– Когда у тебя будут дети, я хочу, чтобы они называли меня тетей Кот.

– Послушайте, мисс Шеперд, вам не кажется, что, прежде чем начать рожать детей, мне надо найти подходящего парня и выйти за него замуж?

– Кем бы он ни был, он должен изо всех сил стараться быть лучшим мужем в мире, иначе я отрежу ему cojones[5 - Cojones – яички, тестикулы (исп.)].

– Сделай одолжение, не говори ему об этом обещании до тех пор, пока мы не поженимся, ладно? – серьезным тоном попросила Лаура. – Иначе некоторые мальчики могут испугаться до смерти.

Внезапно откуда-то издалека, из темных виноградников, донесся странный звук, который помешал Кот ответить. Больше всего он напоминал громкий, продолжительный скрип.

– Ветер, – пояснила Лаура. – Дверь амбара открыта, а петли проржавели.

Но Кот все равно показалось, что кто-то невидимый толкнул гигантскую дверь ночи и она со скрипом повернулась на петлях, открывая вход из другого мира.

Котай Шеперд никогда не могла спать спокойно в незнакомом доме. Все детство и раннюю юность мать таскала ее за собой, кочуя из одного конца страны в другой, нигде не задерживаясь больше чем на месяц-полтора. Столько страшных вещей случилось с ними и в стольких местах, что Кот в конце концов перестала ожидать от каждого нового жилища благоприятных перемен, перестала надеяться на счастье и стабильность, относясь к местам, где им приходилось останавливаться, с одним лишь подозрением и тихим страхом.

К счастью, она уже давно рассталась со своей беспокойной мамашей и вольна была жить только там, где ей хотелось. Ее жизнь стала такой же стабильной и лишенной перемен, как у какой-нибудь заточенной в монастыре монахини; такой же размеренной и неторопливой, как действия саперного подразделения по разминированию важного объекта. Ей оставалось лишь надеяться, что все непредвиденные случайности и острые ощущения, до которых так охоча была ее мать, навсегда ушли из ее жизни.

Тем не менее в эту первую ночь, которую она должна была провести в доме Темплтонов, Кот никак не могла заставить себя раздеться и лечь в постель. Оставшись одна, она долго сидела в кресле с овальной спинкой у одного из окон гостевой комнаты и рассматривала залитые лунным светом виноградники, поля и цепочку холмов, отгородивших долину Напа от всего остального мира.

Лаура ночевала в другой комнате, тоже на втором этаже, но в дальнем конце коридора. Кот не сомневалась, что она давным-давно спит крепким сном, потому что этот дом не был ей чужим.

Из окна гостевой комнаты молодые виноградники были похожи на неясный геометрический орнамент.

За возделанными полями и виноградниками вставали невысокие холмы, густо поросшие мягко серебрившейся в лунном сиянии травой. Несильные порывы ночного бриза, проносившегося над долиной, тревожили ее сонный покой, и трава колыхалась под ветром, напоминая седые океанские волны, пронизанные лучами ночного светила.

Над холмами возвышался Береговой хребет – черная громада, над которой бриллиантовой россыпью горели яркие южные звезды и полная белая луна. Штормовые облака, надвигавшиеся с северо-запада, вскоре должны были заслонить собой это великолепие, сделать ночь непроглядной и превратить серебряные холмы сначала в тускло-оловянные, а потом – в черные, как железо.

Кот с детства любила звезды, любила их холодную недоступность. К тому же ей нравилось думать о далеких мирах, чистых и прекрасных, свободных от болезней и несовершенства, присущих земле, на которой она жила. Она как раз рассматривала эти волшебные яркие огоньки, зачарованная их нездешней красотой, когда раздался первый крик. Приглушенный, он прозвучал как отзвук ее

собственных воспоминаний, как эхо давнего спора, происходившего в другое время и в другом месте и донесшегося до нее сквозь годы. Еще будучи ребенком, Котай часто пряталась от матери и ее пьяных дружков, взбираясь то на дерево на заднем дворе, то на козырек над крыльцом, то выскальзывая из окна и добираясь по пожарной лестнице до какого-нибудь укромного уголка, где она могла спокойно считать звезды, пока пьяная драка не затихала. Правда, и тогда ее уединение нарушали то брань, то сладострастные стоны или бессмысленное пронзительное хихиканье гостей, находящихся в наркотическом опьянении, однако все эти звуки доносились словно откуда-то издалека – от людей, которые не имели никакого отношения к ее жизни, и она научилась обращать на них внимания не больше, чем если бы они были частью какой-нибудь радиопостановки.

Второй крик, такой же короткий и чуть более громкий, чем первый, явно донесся не из пучины лет, и Кот сразу насторожилась, наклонившись вперед в своем кресле. Она напряженно прислушивалась, непроизвольно напрягнув мышцы и приподняв голову.

Ей очень хотелось верить, что крик донесся откуда-то снаружи, и Кот стала всматриваться в темноту за окном, скользя внимательным взглядом по виноградникам и далеким холмам. На залитых луной склонах взбухали все новые и новые серебряные волны, напоминающие мираж – призрачный прибой на берегу давно высохшего моря.

Огромный дом за спиной Кот вдруг отозвался мягким тупым ударом, как будто какой-то тяжелый предмет упал на устланный толстым ковром пол.

Кот немедленно вскочила на ноги, но осталась стоять совершенно неподвижно, выжидая.

По своему собственному горькому опыту она знала, что беда всегда приходила после того, как раздавались крики – не важно, какой страстью они были исторгнуты из человеческого горла. Но бывало в ее жизни и так, что крупные неприятности подкрадывались совершенно незаметно, после обманчивой тишины и нарочитого спокойствия.

Ей было нелегко примириться с мыслью, что в доме Пола и Сары Темплтон, которые, казалось, были столь же внимательны и добры к друг другу, как и к

своей собственной дочери, может существовать такая отвратительная вещь, как домашнее насилие. Вместе с тем она понимала, что реальность довольно часто отличалась от того, что лежало на поверхности, в худшую сторону и что человеческая способность вводить в заблуждение себе подобных во много раз превосходила таланты хамелеонов, пересмешников и богомоллов, прячущих свою свирепость и склонность к братоубийству под маской безмятежной отрешенности и ханжеского смирения.

Тишина, последовавшая за криками и звуком падения, опустилась на дом, словно первый снегопад. Глубокая, неестественная, она, должно быть, была сродни тишине, в которой живут глухие. Все замерло, как тигр перед прыжком, как свернувшаяся перед смертельным броском змея.

Там, в другой части дома, стоял кто-то такой же напряженно неподвижный, как и она, стоял и прислушивался. Кто-то бесконечно опасный. Кот ощущала присутствие этого невидимого хищника буквально физически: в воздухе как будто появилась гнетущая тяжесть, какая бывает перед сильной грозой.

С одной стороны, шесть лет занятий психологией заставляли ее усомниться в своей первой реакции, то есть в том, что эти ночные звуки непременно таят в себе опасность. В конце концов, все это могло оказаться не имеющим никакого значения. Любой мало-мальски подкованный психоаналитик без труда отыскал бы в своем багаже десятка два подходящих ярлыков, которые можно было бы навесить на человека, который, живя в постоянном ожидании нападения, из всех возможных объяснений выбирает в первую голову самые страшные.

Но Котай привыкла доверять своей интуиции, закаленной и отточенной многими годами нелегкой жизни.

По опыту зная, что движение – залог безопасности, Кот бесшумно шагнула прочь от кресла и от окна по направлению к двери, ведущей в коридор. Несмотря на довольно яркий свет луны, глаза ее вполне успели приспособиться к темноте за те два часа, что она просидела без света в комнате для гостей, так что теперь она чувствовала себя настолько уверенно, что могла двигаться быстро и без страха наткнуться на какой-то из предметов обстановки.

Кот была как раз на середине комнаты, когда до слуха ее донеслись шаги в коридоре второго этажа. Шаги приближались, и она сразу подумала, что эта

тяжелая торопливая походка никоим образом не вяжется с этим домом.

Не задумываясь больше ни о чем, что было бы «правильным» с точки зрения ее психологического образования, Котай полностью доверилась своей интуиции и решила положиться на те способы защиты, которые были испытаны и опробованы ею еще в детском возрасте. Отступив к кровати, она быстро опустилась на колени.

Шаги в коридоре остановились довольно далеко от ее комнаты, и Кот услышала, как отворяется какая-то дверь.

В других обстоятельствах она ни за что бы не согласилась с утверждением, что дверь открылась не просто так, а сердито. Загремела поворачиваемая ручка, скрежетнул язычок замка, взвизгнула несмазанная петля – все это были просто звуки, не жалобные и не гневные, не безвинные и не виноватые. Производить их могли с одинаковым успехом и громила, и тихий приходской священник, и все же какое-то шестое чувство продолжало нашептывать Кот, что сегодня ночью в доме правит бал ярость.

Она опустилась на живот и, извиваясь как червяк, заползла под кровать. Это была довольно красивая старинная кровать, упиравшаяся в пол коротенькими выгнутыми ножками резной работы. К счастью, матрац не был слишком низким, как у большинства современных топчанов и лежанок. И все же, будь кровать хоть на один дюйм ниже, Кот не удалось бы под ней спрятаться.

В коридоре снова загремели шаги.

Потом открылась еще одна дверь. На сей раз это была дверь ее комнаты, расположенная прямо напротив изножья кровати.

Кто-то включил свет.

Кот лежала на животе, повернув голову набок и прижимаясь ухом к ковру. Глядя в сторону двери из-под кровати спинки, она увидела черные мужские ботинки и лежащие на них штанины голубых джинсов.

Пришелец остановился на пороге, внимательно рассматривая комнату, и Котай представила себе, что же он увидит. Наверняка первой ему бросится в глаза аккуратно застланная постель (и это – в час ночи!) с несколькими декоративными вышитыми подушечками в изголовье. К счастью, Кот не успела ничего положить на тумбочку, как не успела оставить на стульях никакой одежды. Даже роман в бумажной обложке, который она взяла с собой, чтобы почитать перед сном, лежал в выдвижном ящике комода.

Она всегда предпочитала стерильные, незахламленные, свободные пространства, отличающиеся почти монастырской чистотой. Возможно, эта ее склонность спасет ей жизнь.

Благоприобретенная привычка к самоанализу, характерная для всех студентов-психологов, снова зашевелилась в ней. Что, если застывший на пороге человек – будь это Пол или Джек Темплтон, брат Лауры, живущий с женой в отдельном бунгало на территории фермы, – имеет полное право находиться в доме? Что, если случилось нечто настолько непредвиденное и неожиданное, что он ворвался в комнату гости без стука? Да она же будет выглядеть первостатейной дурой и истеричкой, когда ее наконец обнаружат прячущейся под кроватью!

Вдруг она увидела, как прямо перед мысками черных кожаных ботинок на пшенично-желтый ковер упала увесистая красная капля, за ней еще одна и еще. Плп-плп-плп!.. Кровь. Первые две капельки сразу же расплзлись, впитались в пушистый нейлоновый ворс, а третья, удерживаемая силой поверхностного натяжения, блестела и играла на ковре, словно рубиновый кабошон.

Кот понимала, что эта кровь вряд ли принадлежит тому, кто ворвался к ней в комнату, и приложила все свои силы, чтобы не думать об остро заточенном клинке, с которого могли стекать эти капли.

Мужчина шагнул в комнату. Ботинки сместились вправо. Кот следила за ними одними глазами.

Матрац кровати помещался между двумя резными боковинами, под которые было тщательно подоткнуто покрывало. Ни один край его не свешивался до пола и не мешал ей следить за тем, как уверенно движутся в чужом доме эти обутые в черные ботинки ноги.

С другой стороны, без спущенного на пол покрывала и прищелец мог видеть, что делается под кроватью. Отойди он чуть дальше – и в поле его зрения попадут уже ее голубые джинсы, мысок кроссовки и рукав клюквенно-красного хлопчатобумажного свитера, задравшийся почти до локтя.

Кот мысленно поблагодарила бога за то, что двуспальная кровать Темплтонов скрывает ее лучше, чем односпальная или полуторная.

Кот ничего не слышала. Даже если этот человек дышал – от возбуждения ли, от ярости ли, благодаря которой она и почувствовала его присутствие, – Котай не могла уловить ни звука. Ее ухо по-прежнему было прижато к ковру, так что она наполовину оглохла, деревянные поперечины и пружины давили на спину, а высоты кровати едва хватало для того, чтобы ее грудь имела возможность подниматься и опускаться, позволяя пусть неглубоко, осторожно, через открытый рот, но все же кое-как дышать. Один лишь стук собственного сердца, сжатого грудиной, звучал в ушах Кот, как удары тимпанов, так что ей казалось, будто он до такой степени заполняет тесное пространство ее ненадежного укрытия, что прищелец непременно его услышит.

Она услышала, как мужчина прошел в ванную комнату, открыл дверь и включил там свет.

Свои туалетные принадлежности, в том числе и зубную щетку, Кот убрала в аптечку. На виду не осталось ничего такого, что могло бы выдать ее.

Высохла ли раковина?

Уйдя в одиннадцать часов в гостевую комнату, Кот воспользовалась туалетом и вымыла руки. С тех пор прошло около двух часов, так что капли воды на раковине наверняка уже скатились в отверстие стока или высохли.

Ей повезло, что она пользовалась жидким мылом с запахом лимона, туба которого лежала рядом с рукомойником; влажный брусок наверняка привлек бы к себе внимание страшного гостя.

Больше всего Кот беспокоило полотенце. Она сильно сомневалась, что оно способно оставаться влажным больше двух часов с тех пор, как она вытерлась им в последний раз, однако, несмотря на свою привычку к порядку и

аккуратность, она могла повесить его чуть небрежно или оставить на ткани предательскую складку.

Ей показалось, что мужчина простоял на пороге ванной целую вечность. Наконец он погасил лампу дневного света и вернулся в спальню.

Время от времени – и когда она была совсем маленькой девочкой, и когда стала старше – Кот приходилось искать спасения под кроватью. Иногда ее там находили, но иногда – даже когда из всех убежищ это было самым очевидным – ей удавалось пересидеть грозу, потому что никому не приходило в голову наклониться пониже или просто приподнять свесившееся до пола одеяло. Она подметила, что даже те, кто в конце концов ее находил, редко лезли под кровать в первую очередь. Как правило, кровать оставалась на потом, когда все остальные укромные места были уже обысканы.

На ковер упала еще одна красная капля – словно чудовище, бродившее по комнате, плакало кровавыми слезами.

Мужчина направился к двери кладовой.

Напрягая шею, Кот повернула голову, чтобы следить за ним.

Кладовая была довольно большой: там можно было стоять в полный рост, и даже свет в ней зажигался – стоило только потянуть за цепочку, соединенную с выключателем на потолке. Кот услышала характерный сухой щелчок выключателя и негромкое брнчание звеньев металлической цепи, задевавших за колпак лампы.

В глубине этой кладовки Темплтоны хранили свои собственные вещи; рядом с их чемоданами единственный несессер и дорожная сумка Кот не должны были броситься в глаза пришельцу и подсказать, что в усадьбе кто-то гостит.

Она привезла с собой несколько смен одежды: два платья, две юбки, еще одну пару джинсов, легкие туфли и кожаную куртку. Поскольку у них с Лаурой одинаковая комплекция, пришелец скорее всего решит, что развешенные на перекладине вещи принадлежат ей и потому оказались здесь, что не влезли в крошечный стенной шкаф в ее спальне.

Но если он побывал в ее спальне и исследовал платяной шкаф, то что стало с самой Лаурой?

От ужаса Кот едва не закричала. Нет, она не должна об этом думать. Не сейчас. Ей нужно сосредоточить все свои усилия и ум, мобилизовать все свое внимание и сообразительность на том, чтобы остаться в живых.

Восемнадцать лет назад, в ее восьмой день рождения, который она встречала в приморском коттедже в Ки-Уэсте, Котай точно таким же образом забилась под свою кровать, чтобы спрятаться от Джима Вульца – сожителя матери. Со стороны Мексиканского залива надвигался свирепый шторм, и рассекающие небо ослепительные молнии помешали ей воспользоваться тайником на пляже, в котором она уже провела несколько предшествующих ночей. Кое-как втиснувшись в ограниченное пространство под своей железной коечкой, которая была гораздо ниже двуспальной кровати Темплтонов, Кот обнаружила, что вместе с ней его разделяет жук-пальметто. Эти жуки вовсе не были симпатичными экзотическими тварями, на что, казалось бы, указывало их название; в тех местах подобное наименование носили крупные тропические тараканы. Данный конкретный экземпляр вымахал размером с кисть руки Кот. Обычно эти мерзкие насекомые разбегались при одном ее появлении, однако этот, похоже, боялся Кот гораздо меньше, чем Вульца, который в пьяном неистовстве метался по дому, беспрерывно налетая на мебель и на стены, словно взбешенное животное, бросающееся на прутья клетки. Сандалии Кот сбросила сразу, а из одежды на ней были только голубые шорты и короткая белая маечка-топик, и противный жук тут же принялся лихорадочно ползать по открытым участкам ее тела: то тыкаясь головой между пальцами ног, то поднимаясь по ногам вверх, то щекоча спину. Со спины он перебрался сначала ей на плечо, потом на шею, а запутавшись в волосах, упал на руку. Кот не смела даже завизжать от отвращения, боясь привлечь внимание Вульца. В ту ночь он превзошел самого себя и напоминал кровожадное чудовище из ночных кошмаров, а Кот была уверена, что все подобные твари наделены сверхъестественно тонким зрением и слухом, которые помогают им охотиться на детей. У нее не хватало мужества хотя бы стряхнуть с себя мерзкое животное или щелчком отшвырнуть его подальше, потому что она боялась, что даже за воюм ветра и непрерывными громовыми раскатами Вулец все равно услышит самый тихий звук. Сжав зубы и крепко зажмурившись, Кот кое-как терпела все знаки внимания, которые оказывал ей распоясавшийся пальметто, лишь бы не привлечь к своему убежищу внимания Вульца. Сначала она молилась богу, чтобы он спас ее, потом стала молиться, чтобы он забрал ее, умоляя его положить конец ее мучениям: пусть ее поразит гром, пусть убьет молния – лишь бы конец.

Боже, хоть какой-нибудь конец!

И хотя теперь она лежала под широкой деревянной кроватью на гнутых ножках, Котай ощущала, как огромный наглый таракан снова щекочет ей ступни, словно она опять стала той маленькой девочкой, и как он взбирается вверх по ее ногам, как будто она не в джинсах, а в коротеньких голубых шортах. С той ночи, ночи своего восьмого дня рождения, когда пальметто путался в ее длинных волосах, Кот стала коротко стричься, но сейчас она явственно ощутила призрак того таракана на своей короткой прическе.

Мужчина в кладовке – возможно, способный на зверства бесконечно худшие, чем те, что могли прийти в голову Вульцу, – снова потянул за цепочку выключателя. Свет погас со щелчком, сопровождавшимся негромким лязгом металлических звеньев, а в поле зрения Кот снова появились обутые в ботинки ноги, которые приблизились к кровати. На округлости черной кожи блестела свежая капелька крови.

Мужчина собирался опуститься на одно колено возле кровати.

«Милый боженька, он увидит меня прячущейся под кроватью, как дитя, задыхающейся от собственного подавленного крика, мокрую от пота, растерявшую все свое достоинство в отчаянной борьбе за то, чтобы сохранить жизнь, чтобы выйти отсюда невредимой и живой, невредимой и живой...»

В голове Кот промелькнула сумасшедшая мысль, что, когда мужчина заглянет под кровать, она окажется лицом к лицу не с человеком, а с огромным жуком-пальметто с выпученными фасеточными глазами.

Потом она подумала о том, как за считанные минуты она оказалась отброшена назад к своей детской беспомощности, к первородному примитивному ужасу, который, как она надеялась, ей никогда больше не придется испытать. Этот всепобеждающий страх сразу лишил ее того уважения к себе, которое она воспитывала и пестовала на протяжении стольких лет; уважения, которое она заслужила – черт его дери! – и несправедливость происходящего наполнила ее глаза жгучими слезами.

И тут расплывающиеся черные башмаки повернули от кровати и направились к открытой двери в коридор.

Что бы ни подумал мужчина об одежде, которая висела в кладовой, он явно не догадался, что в гостевой комнате кто-то остановился.

Кот яростно заморгала, стараясь стряхнуть с ресниц слезы, мешавшие ей четко видеть предметы.

Пришелец остановился на пороге и повернулся, в последний раз оглядывая комнату.

Кот перестала дышать.

В глубине души она была рада, что не пользуется дезодорантами. Кот не сомневалась, что пришелец без труда нашел бы ее по запаху.

Мужчина выключил свет, шагнул в коридор и плотно закрыл за собой дверь.

Его шаги удалялись в том же направлении, откуда он пришел, поскольку гостевая была последней комнатой в коридоре второго этажа. Звук его башмаков быстро затих, заглушенный бешеными ударами сердца Кот.

Ее первым и самым сильным желанием было оставаться в своем тесном убежище между ковром и пружинами кровати до самого утра или еще дольше – до тех пор, пока тишина в доме не перестанет напоминать о неподвижности притаившегося хищника. Но, с другой стороны, она не знала, что случилось с Лаурой, Полом и Сарой. Любой из них – или все они – могли быть еще живы – серьезно ранены, но живы. Может быть, страшный пришелец специально не стал их убивать, чтобы помучить в свое удовольствие. Истории, подобные этой, с завидной регулярностью печатались в газетах, поэтому Кот не видела ничего невероятного в многочисленных кровавых сценариях, которые вихрем проносились у нее в голове. Если кто-то из Темплтонов еще жив, то она, Котай, является их последней надеждой на спасение.

И все же свои детские убежища она покидала куда с меньшим страхом, чем сейчас, выбираясь из-под кровати в доме Темплтонов. Разумеется, теперь она могла потерять гораздо больше, чем тогда, когда десять лет назад вырвалась из-под опеки своей беспутной родительницы. Кроме жизни, на карту было поставлено и самоуважение, доставшееся ей в результате десятилетия

непрекращающейся борьбы с внешними обстоятельствами. Оставшись под кроватью, Кот могла бы чувствовать себя в относительной безопасности; самой поставить под удар все, чего она сумела достичь, со стороны выглядело чистой воды безумием, однако собственное спасение за счет других было трусостью, а трусость пристала только маленьким детям, которые не имеют пока сил и опыта, чтобы защищать самих себя.

Котай просто не могла сдаться и перейти к пассивной обороне, как бывало в детстве. Для нее это означало бы полную потерю уважения к себе, медленное самоубийство. В бездонную яму нельзя временно отступить – в нее можно только провалиться, полностью и навсегда.

Выбравшись из-под кровати, Кот встала на четвереньки и некоторое время оставалась в этом положении, не в силах решиться на большее. Каждое мгновение она ждала, что дверь вот-вот с треском распахнется и пришелец бросится на нее, размахивая окровавленным тесаком.

Дом казался пустым и тихим, как лишенная воздуха поверхность луны.

Кот поднялась на ноги и бесшумно пересекла темную гостевую. Не в силах смотреть на три темных пятнышка, где впитались в ковер капельки крови, она постаралась обойти это место.

Потом Кот прижалась ухом к щели между дверью и косяком, стараясь уловить в коридоре шорох или сдерживаемое дыхание. Она не слышала ничего, но подозрительность не оставляла ее. Кот ясно представляла себе, как мужчина стоит прямо за дверью. Как он довольно улыбается при мысли, что она скорчилась у порога и прислушивается. Как он ждет, ждет терпеливо и уверенно, потому что знает, что в конце концов она все равно отворит дверь и шагнет прямо к нему в руки.

Хрен тебе!

Котай опустила руку на ручку двери, повернула и болезненно сморщилась, когда выходящий из своего гнезда язычок чуть слышно заскрежетал. Слава богу, петли оказались хорошо смазанными, и дверь отворилась бесшумно.

Даже в чернильной темноте коридора, к которой ее глаза еще не успели привыкнуть, Кот увидела, что никто ее не подстерегает. Тогда она шагнула вперед и так же осторожно закрыла за собой дверь.

Комнаты для гостей находились в короткой части изогнутого буквой Г коридора. Справа от Кот начинались ступеньки черной лестницы, ведущей в кухню, слева был поворот в длинную часть коридора.

Первую возможность Котай отвергла сразу. По черной лестнице они с Лаурой спускались, когда ходили гулять на виноградники. Изношенные деревянные ступени скрипели и стонали, а лестничная клетка действовала как резонатор, усиливавший любые звуки наподобие железной бочки. В доме, где царила такая сверхъестественная тишина, нечего было и думать о том, чтобы спуститься по лестнице, не привлекая к себе внимания.

Зато главная лестница – как и весь коридор второго этажа – была устлана мягким ковром.

Из-за угла лился неяркий янтарно-желтый свет. Выцветшие красные розы на обоях не отражали его, а скорее поглощали, став при этом черными, загадочным образом приобретая объем и глубину, которых у них не было прежде.

Кот рассудила, что если преступник стоит где-то между источником света и изгибом коридора, то он должен отбрасывать длинную, вытянутую тень на ковер или на этот мертвый сад черных цветов. Но тени не было.

Прижимаясь лопатками к стене, Кот подкралась к повороту и после некоторого колебания заглянула за угол. Длинная часть коридора была пуста. Царивший здесь мягкий полумрак разгонял теплый желтый свет, выбивавшийся из полуоткрытой двери по правую руку. Это была спальня Сары и Пола. Вторая дверь, также приоткрытая и освещенная, располагалась с левой стороны в дальнем конце коридора за главной лестницей. Там находилась комната Лауры.

Остальные выходящие в коридор двери были закрыты, и Кот не знала, что находится за ними. Может быть, другие спальни, ванные комнаты, второй кабинет Пола, кладовые и чуланы... И хотя Кот больше всего притягивали к себе – и больше всего пугали – открытые, освещенные комнаты, каждая закрытая дверь тоже таила в себе опасность.

Ничем не нарушаемая глубокая тишина, царившая в доме, едва не заставила Кот поверить в то, что преступник ушел, однако она сумела противостоять этой опасной мысли.

Котай двинулась вперед сквозь нарисованный розарий, держа курс на ближайшую полуоткрытую дверь хозяйской спальни. Там, на самом пороге, она остановилась.

Если она найдет здесь то, что ожидает, все ее представления о порядке и стабильности рассыплются в прах. Восторжествует уродливая реальность, которой Кот упрямо отказывала в праве на существование на протяжении десяти лет своей самостоятельной жизни, и она снова окажется во власти хаоса, непредсказуемого, как разбегающиеся по полу капельки ртути.

Потом она подумала, что после обыска гостевой комнаты человек в черных ботинках мог вернуться в спальню хозяев, но по зрелом размышлении поняла, что вряд ли. Несомненно, в доме могли найтись места более интересные и притягательные для убийцы.

Опасаясь торчать в коридоре слишком долго, Кот пересекла порог комнаты и проскользнула в щель. Она не знала, как поведут себя петли, но, к счастью, ей не понадобилось открывать дверь шире.

Спальня Сары и Пола Темплтон была просторной и высокой. В передней ее части у камина стояли два развернутых к огню кресла со скамеечками для ног. По обеим сторонам каминной полки высились шкафы с книгами в твердых переплетах, названия которых терялись в тени.

Светильники на тумбочках в изголовье двух сдвинутых кроватей были выполнены в форме пивных кружек из полосатого цветного стекла. Один из них горел, и на стекле ярко выделялись красные растрескавшиеся пятна.

Кот остановилась, не доходя двух шагов до изножья кровати, однако этого оказалось достаточно. Ни Пола, ни Сары здесь не было, а одеяла и пододеяльники, беспорядочно смятые и скрученные, свешивались на пол с правой стороны. Простыня на левой кровати промокла от крови, а на светлом деревянном подголовнике и на стене мокро блестели мелкие красные брызги,

расположившиеся полукругом.

Кот зажмурилась. Потом ей послышался какой-то звук, и она круто обернулась и присела в ожидании нападения, но, кроме нее, в спальне никого не было.

Потом она снова услышала этот звук. Он никуда не исчезал и присутствовал в комнате с самого начала – это было негромкое шипение и плеск водяных струй в ванной. Она не расслышала его только потому, что вид крови на стене оглушил ее, словно рев многотысячной толпы.

Синестезия, вот как это называется. На это слово Кот наткнулась, читая тексты по психологии, и запомнила его скорее благодаря необычайно красивому сочетанию звуков и слогов, чем в расчете на то, что ей когда-либо придется столкнуться с этим явлением. Синестезией называлось нервное расстройство, когда все органы чувств менялись местами, когда запах воспринимался как яркое цветочное пятно, когда звук воспринимался как запах, а тактильные ощущения могли отозваться в мозгу громким смехом или криком.

Закрыв глаза, Кот отрезала грохот кровавых пятен и совершенно отчетливо услышала журчание льющейся воды. Тут она поняла, что это работает душ в смежной ванной комнате.

Дверь в ванную была приоткрыта на каких-нибудь полдюйма, и Кот только теперь рассмотрела голубоватый свет люминесцентного светильника, горевшего внутри.

Отвернувшись от двери в инстинктивном желании никогда не видеть того, что может за ней оказаться, Котай заметила на правой тумбочке телефонный аппарат. С этой стороны на белье почти не было крови, и она смогла приблизиться без содрогания.

Кот взяла в руки трубку. Никакого гулка. Впрочем, она и не ожидала его услышать. Вряд ли все было так просто.

Подумав, она выдвинула верхний ящик тумбочки, надеясь найти пистолет.

Ничего.

Все еще полагая, что безопасность заточена в движении и что в крайнем случае она успеет найти подходящую щель, в которую можно будет заползти и спрятаться, Котай незаметно для себя обошла кровать кругом. Ковер перед дверью в ванную был весь испачкан кровью.

Сморщившись, как от зубной боли, она приблизилась ко второй тумбочке и взялась за ручку ящика. В свете забрызганного подсыхающей кровью ночника она увидела очки для чтения, в полулунных линзах которых дрожали желтые блики; приключенческий роман в бумажной обложке, пачку салфеток «Клинекс» и тюбик гигиенической губной помады. Оружия не было и здесь.

Задвигая ящик, Кот потянула носом и почувствовала, как сквозь медный запах свежепролитой крови пробивается кислая пороховая вонь.

Этот запах был ей знаком. Многие дружки ее матери часто использовали огнестрельное оружие, чтобы получить то, чего им особенно хотелось, или просто питали нездоровую страсть к разного рода ружьям и револьверам.

Вместе с тем никаких выстрелов она не слышала. Это означало, что преступник воспользовался глушителем.

За дверью ванной продолжала литься на кафельную плитку вода. Этот непрекращающийся плеск, негромкий и успокаивающий, даже в этих страшных обстоятельствах, врезался в ее череп словно зудящий вой бормашины.

Кот была уверена, что преступника в ванной нет. В этой комнате он свою работу закончил и перебрался в другую часть дома.

В эти краткие минуты Котай не так боялась столкнуться с убийцей нос к носу, как увидеть дело его рук, однако она понимала, что никакого выбора у нее нет; той же болезнью от века страдало все человечество – не знать было стократ мучительнее, чем знать наверняка.

Собрав все свое мужество, Кот толкнула дверь в ванную и невольно сощурилась, ослепленная ярким хирургическим светом люминесцентной лампы. Просторная комната была выложена белой и светло-желтой плиткой. По плинтусу и у подножий унитаза и туалетного столика плитка была узорчатой – на каждой был изображен желтый нарцисс в окружении нескольких зеленых листьев. Здесь Кот

ожидала увидеть новые кровавые следы.

И не ошиблась.

Пол Темплтон, одетый в голубую пижаму, сидел на унитазе. В вертикальном положении его удерживали куски самоклеящейся упаковочной ленты, которые притягивали его ноги к стульчаку, а грудь – к бачку.

Сквозь полупрозрачную ленту Кот рассмотрела на его груди три пулевые раны. Их могло быть и больше, однако она не стала считать, да это было бы излишним. Пол погиб мгновенно, скорее всего так и не успев толком проснуться и был перенесен в ванную уже мертвым.

Безграничная скорбь, леденящая и беспросветная, поднялась в душе Кот. Чтобы выжить, она должна была справиться с ней любой ценой, ведь до сих пор выживание удавалось ей лучше всего.

Полоска липкой ленты, подобно поводку захлестнутая вокруг шеи Пола Темплтона, притягивала его к трубе полотенцесушителя на стене. Это было сделано для того, чтобы голова мертвого не упала на грудь и в смерти он продолжал смотреть на то, что делается в душевой кабине. Куски той же ленты удерживали открытыми его веки, а под правым глазом темнел похожий на морскую звезду кровоподтек.

Содрогаясь всем телом, Котай отвернулась.

Преступник вынужден был убить Пола первым, чтобы без помех хозяйничать в доме, однако после этого он дал волю своей фантазии и устроил все так, будто муж смотрит на пытки, которым подвергается его жена.

Это была классическая tableau[6 - Tableau – живописное изображение, живая картина (фр.).], излюбленная игра разного рода психопатов, находивших извращенное удовольствие в том, чтобы заставлять свои жертвы действовать в соответствии с определенным сценарием. Большинство из них наверняка верило, что некоторое время после смерти убитые сохраняют способность видеть и слышать – и потому вполне способны оценить дерзость и изобретательность своего мучителя, который не боится ни бога, ни людей.

Насколько Кот было известно, эта мания подробно описывалась в учебниках судебной психиатрии, да и на лекциях по аберрантной психологии, которые в университете Сан-Франциско читал специалист из Отдела психологического моделирования ФБР, много раз приводились детальные описания подобных случаев.

И все же видеть все эти зверства своими глазами было стократ тяжелее, чем слушать теоретические выкладки. Кот чувствовала, как ее парализовало ужасом: ноги едва слушались, а покалывание в руках предвещало скорое их онемение.

Сару Темплтон Котай увидела в кабинке душа. Несмотря на то, что дверь в нее, забранная матовым стеклом, была закрыта, она сумела рассмотреть скорчившуюся на полу красно-розовую фигурку. Над дверью, на обращенной вниз плоской стороне выносного карниза душа, убийца написал два слова: «Грязная сука». Похоже, черные буквы были нарисованы несколькими штрихами карандаша для подводки глаз.

В душе Кот поднялось сильнейшее желание не заглядывать в кабинку. Пожалуй, за всю свою жизнь она ничего не хотела сильнее. Сара просто не могла остаться в живых.

Но если бы сейчас она повернулась и ушла, не удостоверившись в этом, неистребимое чувство вины стало бы преследовать Кот с такой силой, что, даже уцелев после этой ночи, она превратилась бы в ходячего мертвеца.

Кроме того, разве не она решила посвятить свою жизнь изучению именно этого аспекта человеческой жестокости? Ни один, даже самый подробный, отчет о зверском убийстве не позволил бы ей приблизиться к пониманию процессов, происходящих в глубинах расстроенной психики. Только увидев все своими глазами, она, может быть, начнет что-то понимать. Этой ночью и в этом доме неясный ландшафт больного разума должен был проступить выпукло и ясно.

Журчание струй и плеск воды, эхом повторенные кафельными стенами, напоминали ей шипение клубка змей и отрывистый, резкий смех больного ребенка.

Почему-то она подумала о том, что вода должна быть холодной. В противном случае над душевой кабинкой поднимался бы пар.

Кот задержала дыхание, опустила ладонь на ручку из анодированного алюминия и рывком открыла дверь.

Ложась спать, Сара Темплтон надела бледно-зеленую рубашку и такого же цвета трусики. Теперь ее мокрая одежда валялась в углу кабинки.

Застрелив мужа, преступник с такой силой ударил женщину рукояткой пистолета, что она потеряла сознание. Затем он заткнул ей рот кляпом: щеки Сары все еще распирала изнутри ткань, которая подвернулась убийце под руку. Губы ее были запечатаны полоской все той же липкой ленты, края которой начинали отставать под действием низвергающихся сверху потоков холодной воды.

Преступник пользовался только ножом. Сара была мертва.

Кот тихо закрыла дверь душа.

Если милость божья не была расхожей присказкой, а существовала в действительности, то Сара Темплтон так и не пришла в себя после первого удара, от которого потеряла сознание.

Неожиданно Кот вспомнились теплые дружеские объятия на дорожке перед домом, в которые Сара Темплтон заключила ее, когда они с Лаурой приехали. Кое-как справившись с подступившим к горлу рыданием, она пожалела, что не умерла вместо этой ласковой, доброй женщины, встретившей ее как родную дочь. Собственно говоря, в эти минуты Кот уже чувствовала себя мертвой больше чем наполовину, ибо часть ее души умерла вместе с Сарой и вместе с Полом.

Потом Котай вернулась в спальню. Здесь ей больше нечего было делать, но, вместо того чтобы выйти в коридор, она задержалась в темном углу и постаралась справиться с ознобом, сотрясавшим все ее тело.

Желудок словно выворачивало наизнанку. Горло пылало от подступающей желчи, а во рту стало горько. Кот с трудом подавила приступ рвоты – убийца мог услышать и прийти за ней.

Несмотря на то, что родителей подруги Котай впервые увидела вчерашним вечером, она знала их по многочисленным рассказам Лауры, пересыпаемым цветистыми подробностями. Она должна была бы горевать по ним гораздо сильнее, однако в настоящий момент это было выше ее сил. Безусловно, потом она будет сильно страдать, но не сейчас: горе живет в спокойном сердце, ее же – отчаянно колотилось от страха и ненависти.

Котай по-настоящему потряс тот факт, что убийца успел сделать так много, пока она, ни о чем не подозревая, любовалась звездами из окна и раздумывала о тех ночах, когда ей приходилось глядеть на небо, притаившись на крыше, на вершине дерева или на верхушке прибрежной песчаной дюны. По ее приблизительным подсчетам, незнакомцу потребовалось около четверти часа, чтобы расправиться с Сарой и Полом и отправиться на поиски остальных жильцов.

Она знала, что иногда субъекты, подобные тому, который поработал над Темплтонами, получают особое удовольствие, рискуя быть обнаруженными. Предчувствие опасности обостряет их чувства и делает наслаждение еще более изысканным. Возможно, убийца надеялся, что непонятный шум привлечет в спальню родителей их заспанную, ничего не понимающую дочь, которую потом можно будет преследовать и убить, прежде чем она успеет выбраться из дома. Подобная возможность не могла испортить удовольствия, полученного им от содеянного в спальне и в ванной. Скорее наоборот...

Господи боже мой!.. Для него это было удовольствием! В каком-то смысле он принужден был совершить то, что совершил, но вряд ли это слишком расстроило убийцу. Он развлекался. Смерть доставляла ему радость. Нет вины – нет и душевных переживаний. Жестокость – вот его хлеб и вино.

Где-то в большом и пустом доме убийца либо продолжал свои забавы, либо отдыхал, готовясь начать свою игру снова.

Когда дрожь в ее теле улеглась, оставив после себя лишь легкие спазмы в горле, Кот снова испугалась за Лауру. Те приглушенные крики, которые

насторожили ее, явно раздавались уже тогда, когда Сара Темплтон была мертва. Следовательно, убийца, на руках которого еще не остыла кровь матери, застал Лауру врасплох. Должно быть, он легко одолел и связал ее, а сам отправился обыскивать дом на случай, если ее крик насторожил еще кого-нибудь из обитателей дома.

Он мог не сразу вернуться к своей третьей жертве. Не обнаружив никого в других комнатах и уверившись, что дом целиком находится в его власти, преступник скорее всего решил осмотреться в незнакомом месте. Если учебники не врут, то подобный тип наверняка захотел бы обшарить все укромные закоулки усадьбы, влезть в комоды, порыться в платяных шкафах, попробовать продукты из холодильника. Некоторые читают письма, пришедшие на имя хозяев, некоторые роются в корзинах с грязным бельем и наслаждаются его запахом. Если убийце попадется альбом семейных фотографий, то он может просидеть целый час или больше, рассматривая их.

Но рано или поздно он обязательно вернется к Лауре.

Сара Темплтон была в высшей степени интересной женщиной, но подобных ночных пришельцев обычно привлекает юность. Невинность и свежесть – вот к чему они так стремятся. Лаура была для убийцы лакомым кусочком, таким же деликатесом, каким являются птичьи яйца для обитающих в ветвях деревьев гадов.

Когда Котай почувствовала себя более уверенно – в том смысле, что могла больше не опасаться, что ее внезапно и громко стошнит, – она выбралась из своего укромного уголка и неслышно пересекла спальню. Здесь она в любом случае была в опасности. Прежде чем убийца отправится восвояси, он наверняка заглянет сюда еще разок, чтобы бросить последний взгляд на Сару Темплтон, беспомощно скорчившуюся на мокром полу в душевой и прижавшую к груди тонкие руки в тщетной попытке защититься.

У полуоткрытой двери Кот замерла и прислушалась.

Поблекшие розы на обоях на противоположной стене коридора выглядели еще таинственнее. Рисунок, образованный чашечками цветков и их переплетенными стеблями, казался таким глубоким, что Кот готова была раздвинуть руками колючие заросли и шагнуть из этого бумажного сада в солнечную страну, в

которой – когда она оглянется назад – этого дома просто не будет существовать.

Свет ночника бил Кот в спину, не позволяя ей выглянуть из проема и посмотреть налево и направо, не рискуя быть замеченной. Как только она шагнет на порог, на эти выцветшие розы сразу падет ее тень. Это было бы опасно, а как избежать этого, Кот не знала.

Наконец, убаюканная ничем не нарушаемой тишиной, которая, казалось, убеждала ее в отсутствии какой бы то ни было угрозы, Котай проскользнула между дверью и косяком и увидела его. В каких-нибудь десяти футах. Убийца стоял у верхней ступени главной лестницы. Спинай к ней.

Кот застыла. Одна ее нога была уже в коридоре, вторая – все еще на пороге спальни. Если он обернется, Кот не успеет незаметно вернуться обратно – убийца непременно заметит движение хотя бы уголком глаза. И все же она не могла заставить себя шевельнуться, несмотря на то, что судьба давала ей шанс. Кот боялась, что любой – даже самый тихий – звук заставит убийцу повернуться к ней. Казалось, даже шорох снимаемого под ногой коврового ворса способен привлечь его внимание.

Мужчина в коридоре проделывал нечто настолько странное, что Котай была просто прикована к месту любопытством и страхом. Приподнявшись на цыпочки, он поднял над головой руки и тянулся ими к чему-то невидимому, шаря в воздухе растопыренными пальцами. На мгновение Кот показалось, что убийца-психопат находится в трансе и галлюцинирует, вылавливая из пустоты созданные подсознанием образы.

Он был крупным и высоким человеком. Кот оценила его рост в шесть футов и два дюйма, возможно, больше. Физически он был прекрасно развит: талия тонкая, а мускулистые плечи – такие широкие, что грубая куртка из хлопчатки туго натягивалась на спине. Густые короткие волосы темно-каштанового цвета были аккуратно подстрижены на затылке, но Котай не видела его лица. И надеялась никогда не увидеть. С нее достаточно было вида его окровавленных пальцев, которые продолжали что-то искать в воздухе. Казалось, в них заключена сокрушительная сила и мощь. Мужчина мог бы задушить ее одной рукой.

– Иди ко мне, – пробормотал он.

Несмотря на то, что он говорил шепотом, тембр и властная уверенность, прозвучавшие в его грубом голосе, показались Котай жуткими и одновременно притягательными.

– Иди же...

На одно страшное мгновение Кот подумала, что убийца обращается не к видению, доступному только его зрению, а к ней, чье присутствие он мог бы уловить благодаря одному лишь сотрясению воздуха, произведенному ею, когда она столь безрассудно выбралась из комнаты в коридор.

Потом Кот увидела паука. Он свисал с потолка на тончайшей паутине всего в футах от протянутых пальцев убийцы.

– Ну пожалуйста...

Словно откликнувшись на его просьбу, паук выпустил из брюшка еще немного клейкой нити и опустился ниже.

Убийца перестал тянуться к нему пальцами и подставил раскрытую ладонь.

– Иди сюда, малыш-ш... – чуть слышно выдохнул он.

Жирный, черный паук послушался и соскользнул в подставленную руку.

Мужчина быстро поднес ладонь ко рту и слегка запрокинул голову назад, будто глотая горькое лекарство. Паука он либо разжевал и съел, либо проглотил живьем.

Некоторое время он стоял неподвижно, наслаждаясь своими ощущениями.

Наконец убийца шагнул вперед, к лестнице, и, так и не обернувшись в сторону Кот, по-паучьи быстро и так же бесшумно спустился на первый этаж дома.

Котай содрогнулась, не в силах поверить, что она все еще жива.

Глава 2

Тишина и неподвижность дома напоминали покой сумрачной глубокой воды, до поры остановленной плотиной и давящей на грудь ее с огромной, нерастроченной силой.

Когда Кот нашла в себе достаточно мужества, она сделала несколько осторожных шагов и приблизилась к лестнице, хотя и боялась, что ночной гость вовсе не спустился на первый этаж, что он просто играет с ней, как кошка с мышью, и теперь, остановившись чуть ниже, ждет с холодной, уверенной улыбкой. Завидев ее, он протянет к ней раскрытые ладони и скажет: «Иди ко мне!..»

Не желая рисковать, Кот даже затаила дыхание, когда заглядывала вниз. Ступени спускались в прихожую, совершенно темную, однако она сумела рассмотреть, что убийцы нигде не видно.

Насколько Кот поняла, на первом этаже не горело ни одной лампы. Это ее озадачило. Что мог делать пришелец в абсолютном мраке, направляемый только бледным светом заглядывавшей в окна луны? Может быть, он, чувствительный к легчайшим вибрациям движения воздуха, просто притаился в углу, как паук, и грезит о бесшумных погонях и минутах неистового торжества над добычей?

Она быстро миновала лестницу и углубилась в последний отрезок коридора, направляясь ко второй открытой двери, служившей источником янтарного света. Кот очень боялась того, что она может там увидеть. Впрочем, и со страхом, и с тем, что она обнаружит в этой комнате, Кот могла бы в конце концов справиться. Гораздо хуже было не знать, малодушно отвернувшись от правды. Она по опыту знала, что именно от этого появляются навязчивые кошмарные сны, когда просыпаешься в холодном поту, не в силах унять дрожание рук.

Спальня Лауры была меньше спальни родителей; в ней не было камина и кресел и только в углу стоял письменный стол. Возле широкой полуторной кровати притулилась единственная тумбочка с медной настольной лампой над ней. Платяной шкаф и зеркальный туалетный столик с низеньким пуфиком довершали скромную меблировку.

Над кроватью висел огромный, как афиша, портрет Фрейда. Кот терпеть его не могла, но мягкосердечная и склонная к идеализму Лаура во многих случаях полагалась на его теории, в частности, на дурацкую фантазию о безвинном мире, все обитатели которого стремятся к самоисцелению, будучи жертвами своего печального прошлого.

Лаура лежала на кровати лицом вниз, лежала поверх одеяла и простыней. Руки ее были скованы за спиной стальными наручниками, лодыжки тоже. Обе пары соединяла металлическая цепь.

Судя по всему, она подверглась насилию. Панталоны ее просторной голубой пижамки были срезаны с ловкостью, которая сделала бы честь любому портному, а образовавшиеся полотнища были аккуратно разложены по сторонам ее тела. Пижамная курточка на спине завернулась вверх и собралась крупными складками на плечах и на шее.

Кот шагнула в спальню подруги, чувствуя, как страх уравнивается с нарастающей жалостью, но сердце ее, хоть и болело, оставалось холодным и пустым. Когда же Кот уловила едкий запах спермы, к страху и жалости добавился гнев. Склоняясь над кроватью, она почувствовала, что ее руки сжались в кулаки с такой силой, что ноги больно впились в ладони.

Влажные от пота волосы Лауры были откинуты набок, и Кот увидела, что ее красивое лицо мертвенно-бледно, изящные черты искажены страхом, а глаза крепко зажмурены.

Она не умерла. Не умерла. Это казалось невероятным, невозможным.

Маленькая девочка на кровати – а ужас низвел ее до состояния беспомощного, насмерть испуганного ребенка – что-то забормотала, так тихо, что слов было не разобрать даже с расстояния в несколько дюймов, однако этого и не требовалось. Интонации ее голоса говорили сами за себя, и Кот узнала молитву, которую она сама часто повторяла в далеком детстве, забившись в укромный уголок; то была мольба о милосердии, просьба избавить от грозящего ужаса, оставить живой и невредимой.

«Милый боже, прошу тебя, помоги мне остаться живой и невредимой!»

В те давние ночи Котай счастливо избежала насилия и смерти. Молитва Лауры осталась без ответа, по крайней мере, в первой ее части.

Кот почувствовала, как горло стиснул спазм, так что она сумела прошептать только:

– Это я...

Глаза Лауры внезапно широко распахнулись, а глазные яблоки завращались, как у испуганной лошади. В расширенных от страха зрачках отразилось недоверие.

– Все мертвы...

– Тсс-с-с! – шепнула Кот.

– Кровь. У него на руках кровь.

– Ради бога, тише! Я помогу тебе выбраться отсюда.

– Пахнет кровью. Джек убит. И Нина. И все...

Джека, брата Лауры, Кот так и не увидела. И ее невестку Нину тоже. Очевидно, прежде чем забраться в усадьбу, убийца наведался в бунгало управляющего. Четверо убитых. Значит, ей не найти помощи ближе чем за границами раскинувшегося чуть не до горизонта земельного участка.

Кот бросила обеспокоенный взгляд в сторону открытой двери, потом быстро проверила наручники на запястьях Лауры. Они оказались надежно заперты.

Со скованными и соединенными цепью ногами и руками Лаура оказалась совершенно беспомощной. Она не смогла бы даже стоять, не говоря о том, чтобы идти, а Кот была не настолько сильна, чтобы нести подругу на руках.

Оглядываясь по сторонам, она заметила свое отражение в зеркале туалетного столика у стены и поразилась, насколько ясно читается на лице страх. Постаравшись взять себя в руки – не столько ради Лауры, сколько ради себя самой, – Кот снова склонилась к изголовью кровати и заговорила почти так же

тихо, как молилась ее подруга:

– В доме есть оружие?

– Ч-что?

– Ружье, пистолет?

– Нет.

– Нигде?

– Нет, нет!

– Черт...

– Джек...

– Что?

– У Джека есть...

– Ружье? Оно в бунгало? – переспросила Кот.

– Да, у Джека есть ружье...

Но Котай понимала, что не успеет добраться до домика управляющего и вернуться с оружием: убийца поднимется в комнату Лауры гораздо раньше. Да, скорее всего он уже нашел ружье и взял его себе.

– Ты знаешь, кто он?

– Нет. – Небесной голубизны глаза Лауры потемнели от отчаяния. – Уходи отсюда.

– Я найду оружие.

– Уходи! – прошептала Лаура с неожиданной настойчивостью, и на лбу у нее выступил холодный пот.

– Мне нужен какой-нибудь нож, – сказала Кот.

– Не умирай ради меня. – Затем sotto voce[7 - Sotto voce – тихим шепотом (ит.)], дрожащим, но настойчивым голосом, Лаура проговорила: – Беги, Кот! Ради всего святого – беги отсюда!

– Я вернусь.

– Беги!

Снаружи раздался какой-то звук. Грузовик. Шум его мотора приближался.

Кот взволнованно выпрямилась:

– Кто-то едет! Нас спасут...

Окна в спальне Лауры выходили на фасад. Котай подбежала к ближайшему из них, откуда была видна подъездная дорожка, ведущая на окружное двухрядное шоссе.

В четверти мили от дома пронизывал тьму ослепительный свет фар. Судя по расстоянию между ними, это был довольно большой грузовик.

Как чудесно, что кто-то свернул к одинокой усадьбе в этот поздний час!

Надежда ярко вспыхнула в душе Кот, но она сразу подумала, что убийца наверняка тоже услышал шум работающего двигателя. Мужчина или мужчины в грузовике понятия не имеют о том, какая опасность их подстерегает. Когда грузовик затормозит перед крыльцом, они будут все равно что мертвы.

– Держись! – шепнула она Лауре, легко коснувшись пальцами ее влажного лба. Подбодрив таким образом подругу, Кот пересекла комнату и выскользнула за дверь, оставив Лауру лежать под угрюмо-самодовольным взглядом Зигмунда Фрейда.

Коридор был пуст.

Кот на цыпочках подбежала к лестнице и, поколебавшись немного, прежде чем броситься в этот омут враждебного мрака, стала спускаться. Другого выхода у нее все равно не было. Взяться за перила она не рискнула – это было слишком опасно, хотя и облегчило бы ей спуск. Чем ближе к стене, тем лучше.

Так она миновала висевшие на стене лестницы картины в огромных резных рамах, походившие на настоящие окна, из которых виднелись светлые пасторальные пейзажи. Когда Кот увидела их в первый раз, они показались ей приветливыми и теплыми, теперь же черные реки, убийственные поля и призрачные леса выглядели зловеще.

Вот и прихожая, выложенная отполированным дубовым паркетом и застеленная толстой циновкой. Закрытая дверь справа вела в кабинет Пола Темплтона. Арка слева вела в темную гостиную.

Убийца мог быть где угодно.

Рев двигателя снаружи стал заметно громче. Должно быть, машина уже где-то у самого дома. Убийца застрелит водителя прямо сквозь лобовое стекло или подождет, когда тот выберется из кабины.

Кот должна была предупредить водителя – не только ради него самого, но и ради спасения своей жизни. И ради Лауры. Этот неизвестный человек за рулем – их единственная надежда.

Кот была абсолютно уверена, что ночной пожиратель пауков находится где-то поблизости, и, отбросив всякую осторожность, ринулась к парадной двери, ежесекундно ожидая нападения. Овальная циновка под ее ногами поехала, собралась в складки, и Кот стала падать вперед. Машинально выставив перед собой руки, чтобы смягчить падение, она с разбегу врезалась обеими ладонями в парадную дверь.

Произведенный ею дьявольский шум, гулко раскатившийся по всему дому, не мог не привлечь внимания убийцы, даже если он в это время наблюдал за приближающимся грузовиком.

Кое-как восстановив равновесие, Котай с лихорадочной поспешностью нащупала и повернула дверную ручку. Дверь оказалась незапертой. Задышавшись от ужаса, Кот распахнула ее настежь.

Прохладный северо-западный бриз, несущий с виноградников запахи взрыхленной земли и фунгицидов, негромко посвистывал в голых ветвях кленов, выстроившихся по сторонам дорожки. Кот шагнула на крыльцо, и ветер, фыркая и посапывая, как целая свора гончих, ворвался в прихожую, в щель за ее спиной.

Грузовик уже миновал дом и теперь удалялся от Кот. Он снова вернется к парадному, когда проедет по широкой петле, проложенной перед фасадом таким образом, чтобы облегчить разворот машинам, забиравшим урожай винограда.

Но это был вовсе не грузовик, а дом на колесах, выкрашенный не то в голубой, не то в бледно-зеленый цвет. Кот успела заметить, что это довольно старая модель сорока футов длиной, отличающаяся обтекаемой формой, и что владелец поддерживает ее в хорошем состоянии. Хромированные детали блестели в лунном свете, как живое серебро.

Несколько удивленная тем обстоятельством, что до сих пор никто не пырнул ее ножом, не застрелил и не ударил сзади по голове, Кот сделала несколько шагов по направлению к ступенькам крыльца, опасливо косясь на зияющую за спиной распахнутую дверь.

Дом на колесах достиг изгиба дороги и начал сворачивать. Спаренные лучи фар скользнули по амбару и стенам хозяйственных построек, и перед ними стремительно побежали по земле длинные тени тополей, лиственниц и вечнозеленых кустарников. Вот они – донельзя вытянутые и стремительные – запутались в решетке шпалер перед крыльцом, перепрыгнули через побеленные перила, шмыгнули по лужайке и по мощеной каменной дорожке, стремясь оторваться от отбрасывающих их деревьев и скрыться в ночи.

Кот вздрогнула и попятилась назад. Мертвая тишина, царившая в усадьбе, отсутствие света на первом этаже, своевременное прибытие дома на колесах – все это вдруг обрело страшный смысл. За рулем фургона сидел убийца.

Нет, только не это!

Котай стремительно бросилась назад, в спасительную темноту прихожей.

Сзади, преследуя ее по пятам, неслись острые лучи фар обогнувшей поворот машины. Пронизывая шпалеры, они отбрасывали на крыльцо и на стену дома правильный геометрический узор.

Кот нырнула в тень арки, закрыла за собой дверь и нащупала над дверной ручкой массивный запор. Поворот рукоятки – и вот уже мощный засов сидит в своем гнезде.

Неожиданно она замерла, поняв свою ошибку. Парадная дверь была не заперта, потому что убийца вышел через нее. Если он обнаружит ее запертой, то поймет, что Лаура – не единственный оставшийся в живых обитатель дома, и охота возобновится.

Влажные и скользкие от пота пальцы Кот снова нащупали латунную шишечку замка и тут же соскользнули, но засов с сухим и металлическим щелчком открылся.

Должно быть, убийца с самого начала оставил свою машину у самого шоссе, на подъездной дороге, ведущей к усадьбе, и пешком приблизился к дому.

Тут она услышала шорох под колесами гравия, уловила тяжелый, с подвыванием, вздох пневматических тормозов, и дом на колесах остановился перед парадным.

Вспомнив про овальную циновку, которую она потревожила своими ногами и из-за которой чуть не упала, Кот бросилась на колени. Ползая по грубой шерсти, она руками разравнивала образовавшиеся складки. Ведь если убийца запнется о циновку, то сразу вспомнит, что, когда он уходил, ковер был в порядке.

За дверью раздались шаги, твердые каблуки ботинок со стуком опускались на каменные плиты дорожки.

Котай вскочила на ноги и повернулась к кабинету, но остановилась. Это был не лучший выбор, тем более что она не могла себе представить, куда именно направится этот человек, когда войдет в дом. Если она спрячется в кабинете, то может оказаться в замкнутом пространстве комнаты один на один с убийцей.

Шаги гулко и мерно застучали по деревянным ступеням крыльца.

Кот метнулась через прихожую под темную арку, ворвалась в гостиную и тут же остановилась, боясь наткнуться на мебель или что-нибудь опрокинуть. Перед глазами, ослепленными светом фар, все еще плавали тускло-красные пятна, и она осторожно двинулась вперед, вытянув руки перед собой.

Парадная дверь отворилась.

Котай, застигнутая почти на середине комнаты, присела за креслом с высокой спинкой. Если убийца войдет сюда и включит свет, он увидит ее в тот же самый миг.

Преступник вошел и, не закрыв за собой дверь, ненадолго появился в прихожей. Котай различала его фигуру благодаря тусклому свету, проникавшему из верхнего коридора. Даже не поглядев в сторону гостиной и не задерживаясь, мужчина стал подниматься по лестнице.

Лаура.

А Кот все еще была совершенно безоружна.

Сначала она подумала о кочерге из камина. Нет, это не подойдет. Если с первого удара она не раскроит ему череп или не сломает руку, он вырвет у нее кочергу. Страх и отчаяние должны были придать ей силы, но этого могло оказаться недостаточно.

Котай поползла по полу – так было быстрее и безопаснее. Добравшись до арки, ведущей из гостиной в столовую, она свернула в ту сторону, где, по ее понятиям,

должна была находиться дверь в кухню, и тут же налетела на стул. Стул ударился о ножку стола и загремел, а на столешнице что-то стукнуло – клин-клинк, – и Кот вспомнила, что видела здесь декоративную медную вазу с живописно уложенными в нее фарфоровыми фруктами.

Ей казалось маловероятным, чтобы убийца услышал эти звуки, находясь на втором этаже, и она смело поползла дальше. Впрочем, слышал он или нет, ей не оставалось ничего другого, кроме движения.

Двустворчатых дверей кухни Кот достигла быстрее, чем ожидала. Здесь она поднялась в полный рост.

Сочившийся в окна свет луны был тусклым, неярким, но, когда вдруг стало еще темнее, Кот почувствовала, как по шее побежали мурашки, а волосы на затылке встали дыбом от ужасного предчувствия. Резко повернувшись, она прижалась спиной к косяку двери в полной уверенности, что убийца, заслонивший своей широкой спиной свет луны, находится в считанных дюймах позади нее. Но это было не так. Оконные стекла больше не серебрились, как раньше; должно быть, грозовые облака, с полуночи собиравшиеся над холмами на северо-западе, наконец-то закрыли луну.

Толкнув створки, Котай проникла в кухню.

К счастью, ей не пришлось включать люминесцентные светильники, чтобы сориентироваться в обстановке; на табло двойного духового шкафа горели яркие зеленые цифры электронных часов, дававшие на удивление много света – во всяком случае, достаточно, чтобы разобраться, где что.

Котай помнила, что столик для разделки мяса находится сбоку от раковины из нержавеющей стали. В свою очередь, сдвоенная раковина помещалась под бо́льшим из двух окон. Котай шагнула в том направлении и стала шарить руками по холодным гранитным полкам, пока не нащупала шероховатую деревянную поверхность разделочной доски.

Двухэтажный дом над ее головой словно затаил дыхание – тишина стала еще глубже, чем прежде.

Что этот подонок делает там, наверху? Почему так тихо? Что он делает с Лаурой?

Чуть ниже разделочной доски помещался ящик, в котором Кот рассчитывала найти ножи. Она не ошиблась. Разнокалиберные кухонные инструменты были аккуратно разложены по ячейкам специального вкладыша.

Она вытащила первый нож, какой попался ей под руку. Слишком короткий. Еще один. Это был хлебный нож-пила с закругленным концом. Третий нож, похоже, предназначался для мяса. Кот осторожно потрогала лезвие подушечкой большого пальца и решила, что оно заточено достаточно хорошо.

Наверху вскрикнула Лаура.

Кот бросилась к дверям столовой, но интуитивно поняла, что не посмеет идти этим путем. Тогда она повернулась и поспешила к черной лестнице, на время позабыв о том, что не сможет подняться по ней, не наделав шума.

Снова закричала Лаура – это был уже не крик, а вой, исполненный бесконечного отчаяния и боли. Должно быть, подобные звуки раздавались в газовых камерах Дахау или в глухих и холодных бараках сибирских лагерей эпохи ГУЛАГа. Не призыв о помощи, не мольба о пощаде, а просьба об освобождении от адских мук любой ценой – даже ценой смерти.

Этот крик неожиданным образом вдохнул в Кот волю к борьбе, и она принялась карабкаться навстречу ему вверх по черной лестнице – словно ныряльщик, который рвется к поверхности моря, преодолевая притяжение глубины. Пронзительный, жалобный вой, монотонный и холодный, как арктическое течение, несущее в себе тонкие иглы льда, выстудил ее тело до самых костей и лишил члены гибкости и чувствительности. Огромное желание закричать вместе с Лаурой охватило Кот; так начинают выть собаки, услышав вой страдающей товарки. Она отчаянно нуждалась в чем-то, чтобы выразить абсолютное бессилие человеческого существа, заброшенного в населенную бездушными и мертвыми звездами вселенную. Чтобы справиться с этим внезапным побуждением, Котай пришлось собрать все свои силы.

Лаура все кричала наверху и звала мать, хотя не могла не знать, что Сара мертва.

«Мама! Ма-ма! Мамочка-а-а!!!» – разносилось по дому, и Кот похолодела, поняв, что страдания и боль низвели Лауру до положения зависимого маленького ребенка, который ищет спасения только в надежности материнской груди и в звуке сердцебиения, знакомого еще по девяти месяцам пребывания в уютной и сырой мгле.

И вдруг наступила тишина.

Неожиданная и страшная.

Кот, остановившаяся на площадке между первым и вторым этажом, с удивлением осознала, что крик в тысячу саженей глубиной заставил ее замереть неподвижно. Ноги подгибались, а мышцы на икрах и бедрах дрожали так, словно она только что закончила марафонскую дистанцию. Казалось, еще немного – и она упадет.

Тишина, означавшая конец всяких надежд, подействовала на нее еще сильнее, чем крик. Под гнетом ее, словно под тяжестью стальной короны, Котай склонила голову, опустила плечи и съежилась.

Самым простым было бы опереться спиной о стену, сползти на пол, отложить нож и свернуться калачиком, чтобы не слышать этой жуткой тишины, чтобы не думать и не знать. Дождаться, пока он уйдет, дождаться, пока появится кто-нибудь из родственников или знакомых, обнаружит тело, вызовет полицию и позаботится обо всем.

Но вместо этого Кот заставила себя подниматься дальше, задержавшись на площадке всего на несколько секунд. Сердце билось так сильно, что каждый удар, казалось, способен был сбить ее с ног, руки дрожали так, что зажатый в побелевшем от напряжения кулаке нож выписывал в воздухе восьмерки и замысловатые кренделя, и Кот даже подумала, хватит ли ей силы, столкнись она с убийцей, действовать достаточно эффективно.

Но все эти пораженческие мысли больше пристали человеку, привыкшему проигрывать, и Кот немедленно возненавидела себя за них. За последние десять лет она воспитала в себе победительницу и не собиралась легко сдавать позиции, завоеванные с таким трудом.

Старые деревянные ступени громко возмущались и стонали под ее ногами, но она двигалась быстро и не обращала внимания на шум. Вне зависимости от того, жива ли Лаура или уже нет, убийца скорее всего поглощен своей игрой и вряд ли услышит что-либо, кроме громового шума крови в ушах да голосов, которые говорят с ним в минуты, когда он держит в руках чужую жизнь.

Она шагнула на площадку второго этажа. Подгоняемая страхом за Лауру и отвращением к самой себе и к собственной слабости, проявленной несколько мгновений назад, Кот быстро миновала закрытую дверь гостиной комнаты и, не задержавшись даже перед изгибом Г-образного коридора, заторопилась мимо полуоткрытой двери хозяйской спальни, из которой продолжал литься янтарно-желтый спокойный свет. С обеих сторон ее окружал сад полинявших роз, гнев перерос в яростное бешенство, и Кот, потрясенной собственной отвагой, на мгновение показалось, что она не бежит по мягкому ковру, а скользит по ледяному желобу, ведущему прямо к отворенной двери спальни Лауры. Колебания оставили ее, рука с ножом перестала дрожать и уверенно поднялась вверх, чтобы нанести смертельный, яростный удар. Так, в безумном неистовстве, вызванном отчаянием, страхом и сознанием собственной правоты, Котай пересекла порог комнаты, где Фрейд, ничуть не тронутый тем, что только что произошло на его глазах, продолжал равнодушно взирать на смятую пустую постель.

Кот растерянно заозиралась. Лаура исчезла. В комнате никого не было.

Сквозь стук собственного сердца, сквозь частое хриплое дыхание она уловила далекий металлический лязг цепи, которой были скованы наручники на руках и лодыжках Лауры. Он раздавался даже не в коридоре, а где-то еще дальше. Где-то...

Не думая об опасности, Кот бросилась в коридор и подбежала к перилам балюстрады, нависавшей над прихожей.

Убийца, едва освещенный проникавшим из коридора второго этажа светом, как раз выходил на крыльцо сквозь распахнутую парадную дверь. Он нес на руках небрежно завернутую в простыню Лауру. Одна ее рука безвольно повисла, голова запрокинулась набок, а лицо скрывали рассыпавшиеся золотистые волосы. Девушка не пыталась оказать никакого сопротивления, и Кот подумала, что она скорее всего без сознания.

Должно быть, они разминулись. Должно быть, Котай проходила по коридору мимо лестницы как раз в тот момент, когда убийца со своей страшной ношей спускался по темным ступеням. Она так спешила добраться до комнаты Лауры, так сосредоточилась на предстоящей битве, что не почувствовала его близости, не услышала, хотя металлические звенья цепи должны были позвякивать при каждом его шаге.

Очевидно, убийца и сам производил достаточно шума, раз не услышал за ним шагов Кот.

Инстинкт подсказал Кот воспользоваться черной лестницей, и она хорошо сделала, что послушалась. Если бы она выбрала этот путь, то столкнулась бы с убийцей прямо на ступенях. Он бросил бы в нее тело Лауры и, когда они вместе покатались бы вниз, без труда нагнал бы обеих в прихожей, выбил бы нож из ее руки – если бы, конечно, она не потеряла его во время падения, что было более чем вероятно, – и набросился бы на нее там, где она упала.

Но Кот не могла позволить ему увезти Лауру.

Опасаясь, что страх снова парализует ее волю, если она станет раздумывать о сложившейся ситуации, Кот бесстрашно спускалась по ступенькам. Если бы ей удалось застать убийцу врасплох и вонзить ему нож в спину, Лаура получала бы шанс на спасение.

И Кот способна была ее спасти. Не время и не место быть щепетильной. Она могла бы воткнуть нож под левую лопатку и попытаться достать до сердца, могла пробить легкое и, вырвав клинок из раны, ударить снова, с наслаждением прислушиваясь к тому, как мерзкий сукин сын станет молить о пощаде.

Она будет резать и колоть его до тех пор, пока он не затихнет навсегда.

Правда, Кот еще никогда не совершала ничего подобного. За всю свою жизнь она никому не сделала больно, но сейчас была полна решимости убить, потому что боялась за Лауру, потому что ее начинало тошнить при мысли о том, что она может предать подругу, и еще потому, что она от рождения была мстящей машиной – человеческим существом.

В темной прихожей у подножия лестницы Кот заставила себя быть предельно осторожной, чтобы овальная шерстяная циновка снова не подвела ее. Но все обошлось, и Кот беспрепятственно достигла входной двери.

Нож она больше не держала перед собой, а опустила вниз, к бедру. Если убийца услышит ее шаги и повернется, она сможет нанести удар снизу вверх, ниже тела Лауры, которую он держал на руках, – прямо в мягкий, уязвимый живот. Подобный сценарий показался Кот даже более удачным, потому что при ударе в спину клинок мог отклониться, наткнувшись на лопатку или ребро, а мог и вовсе сломаться, если она попадет в позвоночник. Нет, если уж бить, то в мягкое, но прежде она окажется лицом к лицу с убийцей и заглянет ему в глаза. Не заставит ли это ее промедлить? Но ведь он должен получить свое, этот ублюдок!..

Кот подумала о Саре Темплтон, скорчившейся на полу в душевой, вспомнила, как барабанят по ее обнаженному беззащитному телу струи холодной воды.

Она сделает то, что задумала. Сделает во что бы то ни стало.

Перешагивая через порог парадной двери, Котай приготовилась либо убить, либо погибнуть в отчаянной попытке заставить врага получить все, что ему причитается, однако она просчиталась. Как ни быстро она двигалась, убийца оказался гораздо проворнее ее. Он не спускался по ступенькам крыльца, как ожидала Кот, а уже приближался к своему фургону. То обстоятельство, что ему пришлось нести значительный груз, нисколько не замедлило его движения. Убийца двигался быстро, нечеловечески быстро.

Котай сумела отойти от крыльца не дальше чем на ширину ступеньки. Каучуковые подошвы ее кроссовых туфель так звонко зашлепали по каменным плитам дорожки, что их наверняка можно было расслышать даже за пронзительным и монотонным завыванием ветра. Правда, и луна, и половина звезд уже погасли, заслоненные громоздящимися штормовыми тучами, но, если убийца услышит шаги и обернется, он непременно увидит ее.

К счастью, мужчина ничего не услышал и не обернулся, и Кот поспешно сошла с дорожки на мягкую траву лужайки, по которой могла двигаться относительно бесшумно. Отказываться от своих намерений она не собиралась.

В фургоне были открыты сразу две двери. Одна вела в кабину водителя, вторая – расположенная с той же, левой, стороны машины, но гораздо ближе к корме, – в жилую часть дома на колесах.

Преступник выбрал заднюю дверь.

Из-за того, что он держал на руках Лауру, ему пришлось развернуться боком и крепко прижать к себе ее тело, чтобы протиснуться внутрь и подняться по двум внутренним ступенькам, но убийца оказался так же ловок, как и силен. Он исчез в машине прежде, чем Кот успела нагнать его.

Несколько мгновений Котай раздумывала, не последовать ли за ним, однако все окна фургона были плотно занавешены, и она не знала, пошел ли он направо или налево, к кабине. Кроме того, убийца мог бросить свою ношу на пол, как только вошел, и, следовательно, сумел бы защититься в случае нападения. За дверцей начиналась его территория, а Кот в своей жажде мести еще не окончательно потеряла рассудок, чтобы дать ему еще и это преимущество.

Вместо того чтобы лезть внутрь, Кот прижалась спиной к металлическому боку фургона возле самой двери и стала ждать. Если убийца выйдет, она набросится на него, пока он будет опускать ногу на землю, и тогда фактор внезапности окажется на ее стороне. Кот казалось, что это будет самый подходящий момент для осуществления ее планов, поскольку убийца, чувствуя, что провернул свое дельце без сучка без задоринки, должен был утратить бдительность и стать чуточку беспечнее, благополучно покидая место своего преступления.

Может быть, он даже и не выйдет, но ему все равно придется высунуть руку, чтобы захлопнуть дверцу. Стоя на верхней ступеньке, убийца вынужден будет наклониться вперед, чтобы взяться за ручку, и тогда – пока он будет оставаться в этом неустойчивом положении – она сумеет вонзить в него нож прежде, чем он скроется внутри.

Внутри раздался какой-то шорох, затем – мягкий удар.

Кот напряглась.

Убийца не появлялся.

Снова тишина.

С северо-запада неожиданно потянуло свежей кровью, словно где-то там, с наветренной стороны, располагалась скотобойня. Потом этот запах исчез, и Кот сообразила, что память сыграла с ней злую шутку, неожиданно напомнив запах окровавленных простыней в спальне Темплтонов.

Алюминиевая стена фургона неприятно холодила спину, и Кот невольно вздрогнула, представив на мгновение, как в нее проникает ледящий холод души человека, хозяйничавшего внутри.

Ожидание затягивалось, и она начала понемногу утрачивать мужество. Вернувшийся страх умерил ее ярость, и мысли Кот стали все чаще обращаться от мести к собственному спасению. Но она все еще могла осуществить задуманное, все еще могла, хотя сохранение в сердце неистовой ярости уже требовало некоторых усилий.

Неожиданно убийца вышел из своего дома, но он не воспользовался дверью, возле которой затаилась Кот. Она вдруг увидела, как тот, кого она ждала, выпрыгивает из водительской кабины.

Котай едва не поперхнулась на полувздохе. Пронизывающий холодный ветер, предвещавший грозу, принес с собой и горький запах поражения. Убийца был слишком далеко. Не отягощаемый больше телом Лауры, не отвлекаемый звоном цепей, он непременно услышал бы бросок Кот и успел бы отреагировать. Фактора внезапности, который повышал бы ее шансы, больше не было.

Преступник стоял прямо у водительской дверцы в трех десятках футов от нее и потягивался почти лениво. Потом он повел своими массивными плечами, словно для того, чтобы стряхнуть легкую усталость, и потер шею.

Повернись он вправо, убийца мгновенно бы ее увидел. Если она не будет стоять абсолютно неподвижно, он сумеет уловить ее движение боковым зрением, и тогда...

Кот даже испугалась, что убийца почувствует ее запах, поскольку он стоял с подветренной стороны от нее. Это нисколько бы ее не удивило, так как весь его облик, молниеносная быстрота и грация движений были больше от животного,

чем от человека, и Кот готова была поверить, что он наделен не только звериной остротой чувств, но и другими сверхъестественными способностями.

Правда, в его руке Кот не заметила пистолета с глушителем, из которого был убит Пол Темплтон, однако оружие вполне могло оказаться у него за поясом. Если она бросится бежать, преступник просто застрелит ее, прежде чем она успеет удалиться на достаточное расстояние.

Но он застрелит ее не насмерть. Нечего на это надеяться. Он ранит ее в ногу, притащит к фургону и посадит рядом с Лаурой. С ней убийца позабавится потом. Когда захочет.

Закончив потягиваться, убийца быстро двинулся к усадьбе. Он прошел по дорожке, поднялся на крыльцо и исчез внутри, так и не обернувшись.

Дыхание, которое Кот сдерживала так долго, вырвалось у нее из груди с негромким испуганным гудением, и она, судорожно передернувшись, глотнула обжигающе холодного воздуха.

Прежде чем мужество окончательно ее покинуло, она бросилась вперед и, торопясь, взобралась в водительскую кабину. Кот надеялась найти ключи в замке зажигания – в этом случае она смогла бы запустить мотор и уехать отсюда вместе с Лаурой, добраться до Напы и обратиться в полицию.

Но ключей не было.

Кот бросила быстрый взгляд в сторону дома, гадая, сколько времени у нее еще есть. Может быть, расправившись с обитателями усадьбы, убийца разыскивает деньги и ценности? Или выбирает себе сувениры на память? Это могло занять и пять минут, и десять, и даже намного больше. Времени могло бы хватить и на то, чтобы вытащить Лауру из фургона и чтобы где-нибудь ее спрятать.

Нож все еще был при ней, и Кот внимательно посмотрела на его чистое, острое лезвие. Теперь, когда она пробралась во владения убийцы без его ведома, драгоценный фактор внезапности снова оказался на ее стороне.

Сердце ее тем не менее продолжало биться отчаянно быстро, а в пересохшем рту Кот ощущала легкий железистый привкус тревоги.

Водительское кресло повернулось под ее руками и освободило проход в жилую часть дома на колесах, начинавшуюся с небольшого холла, где Кот увидела обтянутые вельветом встроенные диванчики. Стальной пол, разумеется, был покрыт ковровой дорожкой, однако после нескольких лет путешествий он слегка поскрипывал под ее ногами. Почему-то ей казалось, что здесь должно пахнуть, как в театре «Гран Гуиноль», где ставились садистские пьески, не допускавшие никакого притворства или игры, но, к ее огромному удивлению, в фургоне приятно пахло свежесваренным кофе и булочками с корицей. Как странно – и страшно, – что подобный человек способен находить удовольствие в том же, что нравится нормальным людям.

– Лаура! – шепнула она в темноту, словно убийца мог услышать ее из усадьбы. – Лаура! – повторила Кот все так же шепотом, но более напряженным и громким.

Сразу за холлом находился крошечный кухонный блок и уютный альков с обеденным столиком, представлявший собой небольшой кабинет, отгороженный красной виниловой занавеской в пол человеческого роста. Над втиснутым в самый угол столиком едва светила небольшая электрическая лампочка, питавшаяся от аккумуляторных батарей.

Лауры нигде не было видно.

Кот миновала кухню и столовую и оказалась возле второй двери, сквозь которую убийца втащил тело потерявшей сознание девушки.

– Лаура!

Справа от двери начинался узкий короткий коридор, идущий вдоль борта фургона и освещенный низковольтными лампочками аварийного освещения. В потолке был стеклянный люк, но сейчас он казался черным. С левой стороны в коридор выходили две закрытые двери, третья – распахнутая настежь – находилась в его торце.

За первой дверью обнаружилась миниатюрная ванная комната – настоящее чудо компактности и эффектности. На ограниченной площади разместились

раковина, биотуалет, аптечка и душевая кабинка. За второй дверцей оказалась кладовка для багажа. С хромированной перекладины свисало несколько комплектов одежды.

Дверь в торце коридора вела в небольшую спальню, облицованную имитирующими дерево пластиковыми панелями. В стене помещался встроенный шкаф с дверью-гармошкой. Тусклый свет из коридора почти не освещал комнаты, но Кот рассмотрела тело Лауры. Она лежала вниз лицом на узкой походной койке, все еще закутанная в простыню, так что на виду оставались только ее маленькая босая нога и золотистые волосы.

Громко шепча имя подруги, Кот шагнула в комнату и опустилась на колени рядом с ней.

Лаура не отвечала. Очевидно, она все еще была без сознания.

Кот не могла поднять ее и нести, как это делал убийца. Вместо этого она попыталась привести Лауру в чувство. Отвернув в сторону край простыни, она оказалась лицом к лицу со своей подругой.

Глаза Лауры из светло-голубых превратились в сапфирно-синие – возможно, из-за скудного освещения, а возможно, потому, что их уже коснулась смерть. Рот ее был открыт, а на губах подсыхала кровь.

Эта грязная сволочь, этот проклятый чертов ублюдок взял Лауру с собой, даже несмотря на то, что она была мертва, взял бог знает для каких целей – может быть, для того, чтобы лапать ее, разглядывать и разговаривать с ней на протяжении нескольких дней, упиваясь своей победой. Вот каким был его главный сувенир!

Кот едва не закричала от резкой колики в животе, вызванной, однако, не отвращением, а острым чувством вины, осознанием своего поражения, тщетности всех усилий и отчаянием.

– Милая, – сказала Кот, обращаясь к мертвой. – Милая моя девочка, прости меня... Мне так жаль!..

Вряд ли Кот могла сделать что-то сверх того, что она пыталась сделать. Пожалуй, все ее шаги были правильными, единственно возможными в данной ситуации. Не могла же она броситься на этого бугая с голыми руками, пока он, стоя над лестницей, приманивал паука, болтавшегося на тонкой клейкой нити. Может быть, ей следовало с самого начала спуститься в кухню и найти нож? Но она и так проделала это настолько быстро, насколько позволяли обстоятельства.

– Прости меня...

Эта прекрасная девушка, вольная дочь эфира, никогда не найдет мужа, о котором она еще недавно мечтала, и никогда не родит детей, которые могли бы быть самыми лучшими детьми в мире просто потому, что это были бы ее дети. Двадцать три года Лаура готовилась к тому, чтобы сделать что-то полезное, чем-то помочь людям изменить их жизнь к лучшему, она была полна надежд и светлых идеалов... и вот теперь мир никогда не получит ее дара и станет от этого пасмурней и бедней.

– Я люблю тебя, Лаура. Мы все тебя любим.

Но любые слова, любые выражения горя и печали не могли передать всей глубины чувств, которые испытывала Кот; хуже того – все слова были бессмысленны и бесполезны. Лаура умерла, и вместе с ней навсегда исчезли тепло и доброта, которые в трудные минуты согревали душу Котай. А слова – даже идущие от самого сердца – это всего лишь слова, и не больше...

Кот почувствовала, как душу наполняет ощущение безвозвратной и горькой потери, словно бездонное черное море, оно поднималось все выше, грозя увлечь ее в свои сумрачные, холодные глубины.

Вместе с тем Котай поймала себя на том, что ее грудь поднимается в рыдании, которое – если она позволит ему прозвучать – будет подобно взрыву.

Единственная капля, выкатившаяся из глаз, грозила вызвать половодье слез, а единственный всхлип мог вылиться в неподвластные ее воле стенания.

Кот не должна была рисковать, отдавшись своему горю. Во всяком случае, не сейчас, пока она все еще находится внутри дома на колесах. Убийца может вернуться в любую минуту, и оплакивать подругу до тех пор, пока она не выберется из этого ужасного места и пока преступник не уберется восвояси,

было неразумно, нерационально. Остаться в фургоне у нее не было никаких причин, коль скоро Лаура – ее лучшая подруга – мертва, окончательно и бесповоротно.

Где-то поблизости раздался хлопок закрываемой дверцы, отчего тонкие металлические стены фургона слегка задрожали.

Убийца вернулся.

Что-то загремело. Совсем близко.

Кот вскочила на ноги и, сжимая в руках мясницкий нож, прижалась к стене возле распахнутой двери комнаты. Не обретшее выхода горе оказалось превосходным высокооктановым горючим для ее ярости, и Кот буквально пылала от ненависти, от острого желания сделать ему больно, полоснуть ножом, выпустить кишки, услышать его крик и – самое главное – сделать так, чтобы в глазах его, как в глазах Лауры, появилось осознание собственной смертности и уязвимости.

«Он придет сюда, и я убью его. Он придет – я убью. – В ее устах это был не продуманный план, а молитва. – Он придет. Я убью. Он придет. Я – убью...»

В полутемной спальне потемнело еще больше. Убийца стоял у порога, загораживая собой слабый свет из коридора.

Нож в руке Котай жадно поднимался и опускался, словно игла швейной машинки, выводящая в пустом воздухе рисунок ненависти и страха.

Вот он почти вошел. Вошел сюда. Сюда. Конечно, он не отправится в путь, не бросив последнего взгляда на прекрасную мертвую блондинку, не потрогав ее холодной, как мрамор, груди. Это действительно будет его последний взгляд – Кот ударит ножом, как только он перешагнет порог, ужалит его прямо в сердце.

Но он вдруг захлопнул дверь и пошел прочь.

Кот в растерянности прислушивалась к удаляющимся шагам, к поскрипыванию стального пола под его башмаками и гадала, как ей теперь быть.

Хлопнула водительская дверца, заурчал мотор, скрипнули освобождаемые тормоза.

Фургон тронулся с места.

Глава 3

Как оказалось, в темноте мертвые девушки ведут себя так же беспокойно, как и на свету. Пока фургон двигался по подъездной дорожке, пересеченной дренажными канавками, цепь, соединявшая наручники на ногах и на руках Лауры, безостановочно звякала, а простыня, в которую она была завернута, только отчасти заглушала эти звуки.

Ослепленная темнотой, Котай Шеперд, которая все еще прижималась спиной к фибергласовой стене спальни, едва не поверила в то, что даже в смерти Лаура продолжает бороться против несправедливости своей смерти.

«Звяк-звяк! Клинк-клинк!» – твердили стальные звенья.

Гравий, которым была засыпана дорожка, время от времени вылетал из-под колес и барабанил по жестяному днищу, и Кот прикинула, что вскоре они выберутся на гладкий асфальт окружного шоссе.

Если она попытается выпрыгнуть сейчас, убийца наверняка расслышит, как хлопает на ветру задняя дверца, или увидит ее в зеркальце. В этих по-зимнему сонных местах, среди бескрайних виноградников, где ближайшее человеческое жилье населено только мертвыми, он не замедлит остановиться и отправиться в погоню, и ей вряд ли удастся уйти далеко, прежде чем он ее настигнет.

Лучше выждать. Пусть проедет по шоссе несколько миль, пусть доберется до более оживленной автострады или до поселка; нужно выпрыгнуть там, где существует хоть какое-то движение, убийца не решится броситься на нее, если рядом будут люди, способные откликнуться на ее крики о помощи.

Кот пошарила рукой по стене, разыскивая выключатель. Дверь закрывалась достаточно плотно, так что она не боялась, что свет привлечет внимание преступника. Наконец она нащупала кнопку и нажала ее, но ничего не произошло. Должно быть, лампочка под потолком перегорела.

Потом она вспомнила, что видела аптекарского типа лампу для чтения, привинченную к краю ночного столика. К тому времени, когда она добралась до нее, фургон начал притормаживать.

Зажав в пальцах выключатель на гибком шнуре, Кот колебалась. Сердце ее отчаянно и громко стучало, ибо ей казалось, что убийца вот-вот остановится, встанет с водительского сиденья и пройдет в свою маленькую спальню. Теперь, когда схватка с этим чудовищем не могла больше спасти Лауру, пламя ярости в груди Кот погасло, оставив лишь горячее желание отомстить, и она думала только о том, как ей выбраться из фургона, не попавшись при этом убийце на глаза, и сообщить властям все сведения, которые потребуются, чтобы как можно быстрее схватить сукиного сына.

Но фургон не остановился; совершив широкий левый поворот, он выкатился на ровную поверхность асфальтированной дороги и стал набирать скорость.

Насколько Кот могла припомнить, следующим местом, где убийца мог свернуть, был перекресток Двадцать девятой автострады, по которой они с Лаурой проезжали вчера. До тех пор все повороты могли привести фургон только к другим фермам, виноградникам и коттеджам, и Кот казалось маловероятным, что этот зверь в человеческом облике решит нанести визит соседям Темплтонов, чтобы вырезать еще одну мирно спящую семью. Ночь летела к концу.

Она включила свет, и на кровать упал круг грязно-белого света.

На тело Лауры Кот старалась не смотреть, хотя оно и было скрыто простыней. Если она будет слишком много размышлять о печальной судьбе подруги, ее самое понемногу затянет болото безнадежности и уныния, и тогда она будет беззащитна. Нет, чтобы выжить, она должна сохранять ясность мыслей и не поддаваться отчаянию.

Кот сомневалась, что сумеет найти в спальне какое-то оружие, которое могло бы послужить ей лучше ножа, однако, принявшись за поиски, она ничего не теряла.

Преступник был вооружен пистолетом с глушителем, так почему бы ему не хранить в фургоне еще что-нибудь огнестрельное?

В ночном столике было всего два ящика. В верхнем оказались упаковка гигиенических марлевых прокладок, несколько зеленых и желтых губок для мытья посуды, пластиковая бутылочка-пульверизатор с какой-то прозрачной жидкостью, моток тесьмы, расческа, щетка для волос с черепаховой ручкой, полупустой тюбик укладочного геля, флакон лосьона с соком алоэ, пара круглогубцев с рукоятками из желтой резины и ножницы.

Кот без труда представила себе, для чего убийца мог использовать некоторые из этих предметов, а о предназначении других ей не хотелось даже гадать. Нет никаких сомнений, что некоторые из женщин, которых он притаскивал на эту кровать, были еще живы.

Некоторое время она, правда, подумывала о ножницах, но нож во всех отношениях был гораздо удобнее. Если, конечно, дело дойдет до того, чтобы пустить его в ход.

В нижнем ящике тумбы Кот увидела шкатулку из твердой пластмассы, похожую на ящичек для рыболовных принадлежностей. Открыв его, она обнаружила внутри полный комплект для шитья: множество бобин с разноцветными нитками, подушечку для булавок, пакетики с иглами, проволочную петлю для продевания нитки в иголку, коллекцию самых разных пуговиц, наперсток и прочие мелочи. Вряд ли эти сугубо мирные вещи могли помочь Кот в борьбе с убийцей, поэтому она убрала шкатулку обратно.

Поднимаясь с колен, Котай заметила, что окно над кроватью закрыто листом фанеры, привинченной к стене. Из щели между фанерой и оконной рамой торчал край голубой драпировочной материи, и Кот догадалась, что снаружи окно кажется просто плотно зашторенным. Вместе с тем какая-нибудь из жертв убийцы – достаточно хитрая или достаточно везучая, чтобы освободиться от пут, – вряд ли сумела бы открыть это окно изнутри и подать знак водителям других машин.

Поскольку никакой другой мебели в спальне не было, стенной шкаф оставался единственным местом, где Кот могла надеяться найти ружье или что-то, что сошло бы за оружие. Обогнув койку, она подошла к виниловой двери-гармошке,

движущейся по выступающим сверху полозьям. Отодвинув в сторону шуршащие пластиковые складки, Кот увидела в шкафу мертвого мужчину.

Она едва удержалась, чтобы не закричать. Потрясение швырнуло ее обратно к кровати, и Кот так сильно ударилась коленями о ее край, что едва не упала на Лауру. Пытаясь сохранить равновесие, она оперлась рукой о стену, выронив при этом нож.

Задняя стенка шкафа была укреплена сваренными встык металлическими листами, для большей жесткости прикрепленными к раме автомобиля. К этой стальной стене были приварены два кольца, располагавшиеся довольно высоко и на большом расстоянии одно от другого. Запястья мертвеца были пристегнуты наручниками к этим кольцам, так что он стоял, разбросав руки, точно распятый. Ноги его, как и у Христа, были соединены вместе, но не прибиты гвоздями, а пристегнуты еще одной парой наручников к третьему кольцу в стене.

Убитый показался Кот совсем юным – на вид ему было лет восемнадцать-девятнадцать, никак не больше двадцати. Из одежды на нем были только короткие подштанники, а бледное худое тело хранило следы жестоких побоев. Как ни странно, голова юноши не свисала на грудь, а склонялась в сторону, покоясь на бицепсе левой руки. Волосы у него были черные, курчавые и довольно короткие. Цвет глаз Котай определить не смогла, поскольку веки были накрепко зашиты зеленой ниткой. Желтая тесьма соединяла пару пришитых к его верхней губе пуговиц с подобранными в тон пуговицами на нижней.

Котай услышала свой собственный голос, обращавшийся к богу. Собственно говоря, это было не обращение, а невнятное, жалобное бормотание. Стиснув зубы, она проглотила подступающие к горлу слова, боясь, что звук достигнет кабины водителя даже сквозь урчание мотора и шорох мощных колес.

Кот задвинула складную пластиковую панель, которая, несмотря на свою хлипкость, двигалась с тяжеловесностью дверей банковского хранилища. Магнитный замок закрылся с сухим звонким щелчком, словно сломалась кость.

Ни в одном учебнике по психиатрии, который Кот когда-либо читала, не описывалось ни одного случая настолько страшного, чтобы ей захотелось забиться в угол, сесть на землю и замереть, прижав колени к груди и обхватив их руками. Сейчас она поступила именно таким образом, выбрав в качестве

убежища самый дальний от стенного шкафа угол комнаты.

Котай чувствовала, что ей необходимо срочно взять себя в руки, и начать следовало со своего взбесившегося дыхания. Она дышала часто и глубоко, набирая полные легкие воздуха, и все равно задыхалась от недостатка кислорода. Чем глубже и чаще она вдыхала, тем сильнее кружилась голова и шумело в ушах. Ее периферийное зрение давно уступило окружающей темноте, и время от времени Кот начинало казаться, что она глядит в длинный черный тоннель, на дальнем конце которого еле видна полутемная спальная комната дома на колесах.

Ей удалось убедить себя, что юноша в шкафу был уже мертв, когда убийца взялся портняжничать. А если и нет, то милосердное сознание наверняка покинуло его. Потом она приказала себе вовсе не думать об этом, потому что от этого черный тоннель, в который она глядела, становился все у?же и длиннее, спальня все отдалялась, а свет настольной лампы мерк.

Чтобы сосредоточиться, она даже закрыла лицо руками, но, как ни холодны были ее ладони, лицо оказалось холоднее. Без всякой видимой причины Котай неожиданно вспомнила лицо матери, которое встало перед ней ясно, как на фотографии. И вот тут-то она поняла...

Для Энне, матери Кот, насилие было романтичным, даже увлекательным времяпрепровождением. Некоторое время они жили в Оклендской коммуне, где каждый говорил о том, чтобы сделать мир лучше, и где взрослые еженежно собирались на кухне, пили вино, курили марихуану и обсуждали, как лучше всего разрушить ненавистную капиталистическую систему. Иногда вино им заменяли пинакль и «девятка»[8 - Пинакль и «девятка» – название карточных игр.], но и тогда, в более или менее трезвом виде, они говорили все о том же – о лучшем способе установить на земле царство Утопии, причем большинство настолько явно отдавало предпочтение революции, что было ясно, какая игра интересует их больше всего. Легче легкого было взорвать мосты и тоннели, чтобы затруднить сообщение; атаковать телефонные узлы, чтобы дезорганизовать связь; сжечь дотла мясоперерабатывающие заводы, чтобы положить конец безжалостной эксплуатации животного мира.

Чтобы обеспечить финансирование своих прожектов, эти люди планировали хитроумные ограбления банков и дерзкие налеты на броневые автомобили инкассаторов, так что путь, проложенный ими к миру, свободе и

справедливости, неизменно оказывался изрыт воронками взрывов и завален штабелями мертвых тел.

После Окленда Кот и ее мать снова отправились в дорогу и через несколько недель в очередной раз оказались в Ки-Уэсте, у своего старого знакомого Джима Вульца – революционного нигилиста, с головой ушедшего в торговлю наркотиками и подрабатывавшего контрабандой оружия. Под своим коттеджем на океанском побережье он устроил бетонный бункер, в котором хранил коллекцию винтовок и револьверов, насчитывавшую больше двухсот стволов. Мать Кот была прелестной женщиной даже в самые тяжелые дни, когда ее снедала депрессия и ее зеленые глаза становились серыми и печальными от тревог, которые она не в состоянии была объяснить, однако всякий раз, когда она оказывалась за кухонным столом в Окленде или в прохладном бункере – то есть рядом с мужчиной типа Джима Вульца, – ее безупречная кожа становилась еще более белой, почти прозрачной; искренний восторг оживлял изысканные тонкие черты, а сама она, преображаясь поистине волшебным образом, выглядела более гибкой, податливой, готовой улыбаться каждую минуту. Предвкушение чего-то необычного, дерзкого, жестокого, возможность сыграть роль Бонни при каком-нибудь подходящем Клайде[9 - Бонни и Клайд – реально существовавшие гангстеры, прославившиеся благодаря многочисленным кинофильмам и мюзиклам.] озаряли ее удивительное лицо светом, прекрасным, как флоридский закат; в эти мгновения ее зеленые, как изумруды, глаза становились неотразимыми и загадочными, как воды Мексиканского залива в пору вечерних сумерек.

И хотя предвкушение насилия могло казаться романтичным и даже захватывающим, в реальности все оказывалось по-другому. Реальность – это кровь, кости, разложение, прах. Реальность – это стынувший труп Лауры на кровати и неизвестный юноша, подвешенный в шкафу на железных кольцах.

Сидя в углу тесной спальни и сжимая холодными руками свое ледяное лицо, Кот подумала, что никогда не будет столь неодолимо прекрасной, какой была ее мать.

В конце концов ей удалось привести дыхание в норму.

Фургон продолжал проваливаться в предрассветный мрак, и это неожиданно напомнило Кот их с матерью ночные поездки, когда она дремала на скамейках поездов, на сиденьях автобусов и на задних сиденьях машин, убаюканная

монотонным гудением мотора и мягкими толчками, не зная толком, куда мать везет ее, и сквозь сон мечтала о том, чтобы быть членом семьи – такой, как показывают по телевизору: с глуповатыми, но любящими родителями, с забавными соседями, которые иногда разочаровывают, но никогда не бывают по-настоящему злыми, с собакой, которая умеет подавать лапу и приносить тапочки. Это были приятные грезы, но они, к сожалению, никогда не продолжались слишком долго, и чаще всего маленькая Кот просыпалась от навязчивых кошмаров и таращилась в окна на незнакомые пейзажи, желая только одного – чтобы она могла путешествовать вечно, нигде не останавливаясь. Дорога дарила ей покой, а пункт назначения непременно оказывался настоящим адом, бог знает каким по счету.

И на этот раз все должно было повториться. Куда бы они сейчас ни направлялись, Кот совсем не хотела туда попасть. Она собиралась сойти на полдороге к этому неизвестному ей, но, безусловно, страшному пункту назначения, чтобы попытаться снова отыскать путь к лучшей жизни, за которую она столько времени так ожесточенно сражалась.

Вскоре Кот настолько пришла в себя, что отважилась выползти из своего угла и подобрать нож, выпавший из ее руки, когда она чуть не упала, шарахнувшись от тела в шкафу. Потом Кот обошла койку и выключила лампу на тумбочке. Остаться в темноте с двумя мертвыми телами она не страшилась. Опасность представляли только живые.

Фургон снова притормозил и свернул налево. Чтобы удержаться на ногах, Кот отклонилась вправо.

Ей подумалось, что это наверняка магистраль 129. Если бы убийца свернул направо, дорога привела бы их на южную окраину долины Напа, в городок под названием Напа. Что касается северной части долины, то Кот не знала там никаких населенных пунктов, кроме поселков Святой Елены и Калистоги, однако и между ними располагались виноградники, фермы, ранчо и другие сельскохозяйственные предприятия. Кот должна быть уверена, что, где бы она ни выпрыгнула из фургона, за помощью не придется идти далеко.

Наугад повернувшись к двери, Кот нащупала ручку и замерла, решив снова довериться инстинкту. Большую часть своей жизни она жила, словно балансируя на изгороди, набранной из острых пик; и именно тогда, когда ей было тяжелее всего, двенадцатилетней Кот вдруг пришло в голову, что инстинкт – это тихий

голос бога. Ответ на молитвы обязательно приходит, нужно только слушать внимательно и верить услышанному. Именно в двенадцать лет она записала в своем дневнике: «Бог никогда не кричит: он говорит шепотом и указывает, что делать».

В ожидании такой подсказки Кот подумала об изуродованном теле в шкафу; судя по всему, юноша был убит менее суток назад. Потом ее мысли снова вернулись к Лауре, чей труп еще не успел остыть, к Саре и Полу Темплтон, к брату Лауры Джеку и его жене Нине. Шесть человек погибли за какие-нибудь двенадцать часов. Пожиратель пауков явно не был рядовым социопатом, которые довольствуются шестью телами в год или больше. Говоря языком полицейских и криминалистов, которые специализировались на розыске и обезвреживании подобных людей, он был «горячим», то есть находился в той фазе заболевания, когда неутоленные потребности и желания горели внутри его жарким огнем. Но Котай, которая твердо решила вскоре после получения диплома защитить докторскую диссертацию в области криминологии, пусть даже для этого ей пришлось бы обслуживать столики в ресторане еще шесть лет, чувствовала, что этот парень не просто «горяч». Он был единственным в своем роде, только отчасти совпадая со стандартными клише, разработанными психологией для подобных типов. Он был чуждым и чужим, словно пришелец, словно сбежавшая из тайной лаборатории безжалостная и непобедимая машина-убийца. И если интуиция не придет к ней на помощь, у нее не будет ни одного шанса спастись.

Стараясь успокоить вновь оживший страх, Кот припомнила широкое зеркало заднего вида, которое заметила в кабине, когда сидела в кресле водителя. У дома на колесах не было заднего окна, следовательно, зеркало обеспечивало убийце обзор холла и кухонного блока, как она стала называть крошечную столовую и закуток для готовки. Коридор, в который выходили двери кладовой, ванной и спальни, тоже наверняка просматривался, поэтому, если дьявольское счастье будет на его стороне и он поднимет голову как раз тогда, когда Кот выскользнет из спальни, то она тут же будет обнаружена.

Когда момент показался ей подходящим, Котай рискнула приоткрыть дверь. Свет в коридор был погашен, и она восприняла это как добрый знак, свидетельствующий о том, что высшие силы благоволят ее начинанию.

Стоя в темноте, Кот бесшумно затворила за собой дверь спальни.

Лампочка над обеденным столом продолжала гореть. Впереди мерцала зеленым светом приборная доска, а за ветровым стеклом упирались в темноту серебряные клинки фар.

Сделав несколько шагов к двери ванной, Котай вышла из благословенной тьмы коридора и пригнулась пониже, прижимаясь к стенке обеденного отсека. Выглянув из-за нее, она увидела в двадцати футах впереди себя спинку водительского сиденья, над которым темнела голова. Убийца был очень близко – буквально рукой подать, – и впервые за все время он показался Кот уязвимым.

И все же она решила не делать глупостей и не бросаться на врага, пока он за рулем. Стоит убийце услышать ее или заметить в зеркале движение – и он сразу вывернет руль или нажмет на тормоза, отчего Кот по инерции полетит вперед. Потом он остановит машину и нападет на нее прежде, чем она успеет добраться до задней дверцы. Или просто повернется вместе с креслом, вытащит пистолет и выстрелит в упор.

Дверь, через которую убийца втащил в фургон тело Лауры, находилась с левой стороны, совсем рядом с Кот. Она села на верхнюю ступеньку внутренней лестницы и спустила ноги вниз. Теперь ее прикрывал от водителя крошечный закуток столовой.

Нож Котай положила на пол. Выпрыгивая из машины, она может не устоять на ногах и упасть. Если нож все еще будет при ней, когда она покатится по асфальту, то поранить себя будет проще простого.

Разумеется, Кот не собиралась прыгать на полном ходу, а дожидалась, когда машина остановится на светофоре или когда на крутом повороте убийца вынужден будет снизить скорость. Перспектива сломать ногу или потерять сознание, ударившись головой об асфальт, вовсе ей не улыбалась, потому что тогда она не сумеет быстро убраться с дороги и найти подходящее укрытие.

В том, что убийца узнает о ее побеге почти сразу, Котай не сомневалась. Он услышит, как открывается дверца, услышит ворвавшийся в салон шум ветра или заметит ее силуэт в наружное зеркало заднего вида. Даже если убийцу что-то отвлечет, он начнет подозревать, что с его коллекцией трупов ознакомился кто-то посторонний, лишь только услышит, как встречный поток воздуха с грохотом захлопнет выпущенную беглянкой дверь. В этом случае он запаникует и,

остановив машину, непременно вернется посмотреть, в чем дело.

Или не запаникует. Даже скорее всего. Убийца вернется и станет разыскивать ее с мрачной методичностью и целеустремленностью автомата. Этот парень был воплощением силы и самообладания, и Кот с трудом удавалось представить его поддавшимся панике даже в самых чрезвычайных обстоятельствах.

Фургон тем временем притормозил, и сердце Котай снова забилося сильнее. Убийца сбрасывал скорость, и она, привстав на ступеньках, взялась за ручку двери. Но дверь оказалась запертой. Стараясь действовать как можно тише, Кот с силой нажимала на рычаг, поднимала вверх, снова вниз – никакого эффекта.

Запорной кнопки она не нашла. Только замочную скважину.

Кот припомнила странное бречание, которое слышала, сидя в темной спальне, после того, как любитель восьминогих деликатесов закрыл входную дверь. Так вот что это было – ключ, поворачивающийся в замке!

Возможно, эта мера предосторожности была предусмотрена заводом-изготовителем, чтобы дети не вывалились на ходу, а может быть, этот ублюдок сам оборудовал дверь замком, чтобы помешать уличным грабителям или шаловливым подросткам проникнуть внутрь и увидеть скованные наручниками трупы с зашитыми глазами и застегнутыми на пуговицу ртами, которые в этот момент могли оказаться на борту. Трудно быть излишне осторожным, если в твоей спальне полным-полно мертвых тел. Скромность требует мер особого свойства.

Фургон проехал перекресток и стал набирать скорость.

Чтобы не пасть духом, Кот пожурела себя за легкомыслие. Ей следовало знать, что убежать будет не просто. Ничего не давалось ей легко. Никогда.

Она снова села на ступеньку, привалившись плечом к пластиковому ограждению кухонного блока. Мысли стремительно проносились в ее голове, сменяя одна другую.

Пробираясь вдоль фургона, она видела еще одну дверь, расположенную ближе к кабине, почти позади пассажирского сиденья. В большинстве домов на колесах было по две двери, но это была редко встречающаяся старая модель, где их было три. Впрочем, даже ради собственного спасения Кот не решалась продвинуться вперед – по той же самой причине, по которой раздумала напасть на водителя сзади. Если убийца увидит или услышит ее, он собьет ее с ног резким маневром и подстрелит, прежде чем она успеет подняться.

Пока же у нее оставалось единственное преимущество – убийца не знал, что у него на борту пассажир.

Если она не сможет открыть дверь и выпрыгнуть, у нее останется только один выход – убить. Для этого ей придется затаиться здесь и, когда он пойдет в туалет или направится в спальню, чтобы проведать своих мертвых пленников, ударить его ножом в живот, перепрыгнуть через упавшее тело и спастись через водительскую дверь. Всего несколько минут назад Кот, движимая слепой яростью, готова была нанести убийце смертельный удар – сумеет ли она сделать это и по необходимости, когда представится подходящая возможность?

Работающий двигатель заставлял мелко вибрировать металлический пол, на котором она сидела, и Кот почувствовала, как начинают неметь ягодицы. Впрочем, полной бесчувственности Кот только обрадовалась бы, поскольку ковер оказался недостаточно мягким и у нее начал ныть копчик. Как она ни ерзала из стороны в сторону, как ни наклонялась вперед и назад, все эти меры приносили только временное облегчение. Боль распространилась на поясницу, а потом поползла выше; мелкое неудобство превращалось в серьезную проблему!

Двадцать минут, полчаса, сорок минут, час, еще четверть часа – все то время Кот мужественно терпела боль, стараясь отвлечь себя размышлениями о том, какие шаги ей следует предпринять сразу после того, как фургон остановится и убийца встанет с водительского сиденья. Сосредоточившись, она старалась представить себе все возможные варианты развития событий и предусмотреть миллион неожиданностей, которые могут возникнуть и испортить ее план. Но и это помогло лишь отчасти. Вскоре Кот не могла думать ни о чем другом, кроме боли в спине.

В фургоне было довольно прохладно, а на ступеньках, где сидела Кот, тепла не ощущалось вовсе. Каждый оборот карданного вала под полом, каждая неровность дороги проникала сквозь подошвы кроссовок, воздействуя на пятки

и ступни. Как могла, Кот сгибала и разгибала пальцы ног, стараясь хоть таким способом сохранить подвижность застывших лодыжек и икр, опасаясь, что они затекут и в решающий момент она не сможет действовать решительно и быстро.

Потом – с подозрительной веселостью, в которой явно было что-то от истерии, Кот подумала: «Да черт с ним, с горем, черт с ним, с правосудием! Полжизни бы отдала за мягкий стул и грелку для ног. Посидеть по-человечески хоть полчаса, а там пусть делает со мной что угодно!»

Вынужденное бездействие не только сказывалось на ее физическом состоянии, но и начинало угнетать Кот морально. Когда она впервые услышала шаги убийцы в коридоре усадьбы Темплтонов, то сразу сказала себе, что движение – это залог безопасности. Теперь дело обстояло несколько иначе – в физическом движении, которое отвлекло бы ее, заключалась ее эмоциональная безопасность, однако обстоятельства требовали, чтобы она продолжала сидеть неподвижно, выжидая удобного момента. Времени для размышлений неожиданно оказалось слишком много, а мысли Кот по большей части были беспокойными и совсем не веселыми.

В конце концов она довела себя до такого состояния, что глаза сами собой наполнились слезами. Кот как раз подумала, что страдания, которые причиняют ей замерзшие ноги и боль в затекшей спине и отсиженных ягодицах, – это еще не самое страшное. Настоящая боль гнездилась у нее в сердце; это была боль, вызванная горем, голос которого она заглушала в себе с тех пор, как обнаружила в ванной комнате тела Сары и Пола Темплтон, как почувствовала едкий, отдающий аммиаком запах пролитого семени в спальне Лауры и увидела тускло мерцающие звенья сковавшей ее стальной цепи. Для ее слез физическая боль была просто предлогом.

Но если бы Кот дала волю жалости к себе, если бы всхлипнула хоть раз по своей онемевшей заднице, то мысль о Поле, Саре и Лауре Темплтонах – и обо всем несчастном и больном человечестве, чтоб ему пусто было! – вызвала бы настоящий потоп. Думать о том, что с трудом завоеванная надежда часто превращается в кошмар, было невыносимо, и Кот готова была спрятать лицо в ладонях, выкрикивая один и тот же вопрос, с которым к богу обращаются чаще всего: «Почему?! Почему?! Почему?! Почему?! Почему?!»

Сдаться слезам выглядело слишком просто и слишком соблазнительно. Только это были бы эгоистичные слезы человека, который потерпел поражение; они бы

не только не избавили ее от мук, но заодно унесли с собой необходимость заботиться о ком-то еще. Долгожданного облегчения можно было достичь, просто признав, что долгие усилия что-то понять и в чем-то разобраться не стоят боли, какую приносят опыт и знание.

Стоит ей сдаться, заплакать – и фургон тут же остановится, водитель встанет из кресла и найдет ее здесь, скорчившуюся на холодных железных ступеньках. Что он предпримет? Оглушит ее ударом рукоятки пистолета, оттащит в спальню и изнасилует на полу, рядом с трупом подруги? Это, конечно, самое страшное, что Кот могла себе представить, но это было бы быстро. К тому же на этом для нее все закончилось бы: убийца навсегда освободил бы ее от необходимости задавать вопрос «почему?» и от мук, которые Кот испытывала, то и дело проваливаясь сквозь хрупкий лед надежды в черные глубины отчаяния.

Очень давно и очень хорошо – возможно, с той самой ночи в свой восьмой день рождения, которую она провела под кроватью в обществе гнусного пальметто, – Кот знала, что быть жертвой – это выбор, который человек делает сам. Будучи ребенком, она не умела облечь это озарение в слова и не понимала, почему так много людей выбирает страдание. Только став старше, Кот научилась распознавать чужую ненависть к себе, чужие малодушие и слабость.

Большинство бед и несчастий обрушивается на нас не по воле судьбы – мы сами призываем их на свою голову.

Котай постоянно стремилась к тому, чтобы не быть жертвой, она всегда пыталась сопротивляться и даже наносить ответные удары. Держаться до последнего ей помогали тщательно выпестованное чувство собственного достоинства, вера и надежда на будущее, однако жертвенность и покорность судьбе были слишком соблазнительны, маня освобождением от ответственности, необходимости о ком-то заботиться и кого-то любить. Страх легко переплавлялся в усталую покорность, а провалы и неудачи не влекли за собой ощущения вины – напротив, из них быстро прорастала жалость к себе, такая уютная и удобная.

И вот теперь Котай снова балансировала на туго натянутой проволоке собственных эмоций и не знала, сумеет ли сохранить равновесие или позволит себе оступиться и упасть.

Фургон снова стал замедлять ход. Теперь он явно сворачивал вправо и как будто собирался съехать с трассы и остановиться. Кот опять подергала дверь. Она знала, что дверь заперта, но все равно продолжала бесшумно налегать на рычаг, физически неспособная сдаться просто так.

Фургон въехал на какую-то наклонную поверхность и покатился еще медленнее.

Кот пошевелилась и, морщась от боли в бедрах и лодыжках и вместе с тем радуясь возможности оторвать сидалище от жесткого металлического пола, слегка привстала, чтобы заглянуть за перегородку.

Затылок убийцы стал для нее самой ненавистной вещью в мире, и Кот почувствовала, как в ней просыпается остывший гнев. Какие страшные фантазии рождаются внутри этого черепа? Она просто рассвирепела при мысли о том, что он жив, а Лаура мертва; что он, наглый и самодовольный, спокойно сидит за рулем, смакуя воспоминания о крови, о жалобных криках и мольбах о пощаде, которые наверняка все еще звучали райской музыкой в его ушах. Непереносимо было думать о том, что после всего, что он совершил, убийца сможет беспрепятственно любоваться закатом, есть персики, нюхать цветы. Его затылок казался Кот похожим на гладкий хитиновый панцирь насекомого, и она почти не сомневалась, что, если ей доведется дотронуться до него, он окажется холодным и твердым, как у жука его спинка.

Заглянув через плечо водителя, Кот увидела впереди небольшое возвышение, на вершине которого стояло какое-то непонятное строение, едва видимое в полутьме. Несколько высоких галогеновых светильников разбрасывали вокруг тусклый серо-желтый свет.

Котай снова пригнулась в своем убежище и крепче сжала рукоятку ножа.

Фургон, урча, вскарабкался на подъем и снова покатился по горизонтальной плоскости. Скорость его упала еще больше.

Кот повернулась спиной к двери и спустилась на самую нижнюю ступеньку. Правую ногу она поставила ступенькой выше, готовясь оттолкнуться от двери и атаковать. Пока же она надежно укрылась в тени, подальше от света переносной лампы, болтавшейся над столом на тонком витом шнуре. Только бы убийца дал ей шанс...

Взвизгнув тормозами, фургон остановился окончательно.

Где бы они ни были, неподалеку непременно окажутся люди. Люди, которые смогут ей помочь.

Но если она закричит, будет ли слышно снаружи?

Даже если кто-то услышит крик, поспеет ли он вовремя или убийца с пистолетом в руке окажется проворнее?

Кроме того, они вполне могли остановиться на обочине, на площадке для отдыха, где нет ничего, кроме парковки, нескольких столиков, кабинки туалета и щита, призывающего автотуристов быть осторожнее с огнем. Может быть, убийца притормозил, чтобы воспользоваться общественным туалетом или унитазом в своей собственной крошечной ванной комнате. В этот мертвый час – в три утра – фургон мог оказаться на стоянке единственной машиной. В этом случае она может орать, пока не охрипнет, – все равно на помощь никто не придет.

Двигатель фургона неожиданно заглох, и наступила тишина. Противная вибрация пола тоже прекратилась, зато Кот затряслась, как в лихорадке. Она больше не чувствовала себя подавленной, а мышцы живота застонали от напряжения. Она снова была испугана, потому что очень хотела жить.

Разумеется, Кот предпочла бы, чтобы убийца вышел и дал ей возможность незаметно ускользнуть, но если бы он пошел в собственную туалетную комнату, она готова была встретить его. Он должен будет пройти совсем рядом с ней. Так или иначе, но она попырует положить этому конец.

Безумная мысль пронеслась у нее в голове: что будет, когда она проткнет его ножом? Что потечет из раны – кровь или мерзкий желтый гной, который появляется, когда раздавишь жирного черного жука?

Кот уже не терпелось услышать тяжелые шаги ублюдка, услышать, как прогибается и скрипит под его ногой деформированная металлическая половица, однако ничего не происходило. Вероятно, подумала она, убийца просто воспользовался минутой отдыха и теперь потягивается, разминает

затекшие плечи и потирает свою бычью шею, стараясь избавиться от легкой дорожной усталости.

А может быть, он все-таки заметил, как она мелькнула в зеркале заднего вида, заметил ее бледное лицо, освещенное болтавшейся над столом переноской, и теперь ползет к ней, бесшумно покинув водительское сиденье и ловко огибая так хорошо ему знакомые скрипучие панели пола? Вот он проскользнул в отгороженный отсек столовой, вот перегибается через стену и стреляет прямо туда, где она скрючилась в темноте, – стреляет ей прямо в лицо...

Кот подняла голову и посмотрела вверх прикрывавшей ее стенки. Она не решилась подняться слишком высоко, так что не видела даже висящей над столом лампы – только ее свет. Ей оставалось только гадать, достаточно ли этого, чтобы заметить, как он приближается, или убийца выскочит перед ней как чертик из табакерки и откроет огонь.

Глава 4

Жить ощущениями.

Он уверен, что только так и надо жить...

Сидя за баранкой своего огромного дома на колесах, он закрыл глаза и потер шею.

Он вовсе не пытался избавиться от боли. Боль пришла к нему сама – и сама уйдет в положенный срок. Он даже гордился тем, что никогда не принимал тиленол и тому подобную дрянь. Обезболивающие – для слабаков.

Единственное, чего ему хотелось, это наслаждаться болью. И он знал – как. Кончики пальцев легко нашли самую болезненную точку слева от третьего шейного позвонка и нажали. Вскоре боль стала такой сильной, что во мраке под опущенными веками заплясали беловато-серые кляксы, похожие на далекие вспышки фейерверков в лишенном цвета мире.

Превосходно.

Боль – это не что иное, как часть жизни. Человек может обрести удивительное наслаждение в страдании. Но самым важным является то, что, сам испытав боль, он способен обрести удовольствие в страданиях других.

Его рука опустилась двумя позвонками ниже и отыскивала еще более чувствительное место, где под кожей саднило воспаленное сухожилие или больной мускул, – чудесную кнопку, залегшую в глубине его собственной плоти, кнопку, надавив которую можно добиться того, чтобы боль пронзила и плечо, и трапециевидную мышцу. Сначала он прикоснулся к ней с осторожностью, негромко постанывая от наслаждения, словно трепетный любовник, а потом набросился с неистовой яростью, мял и давил до тех пор, пока сладкая мука не заставила его со свистом втягивать воздух сквозь стиснутые зубы.

Жить ощущениями.

Он не надеялся, что будет жить вечно. Время, проведенное и в этом теле, – конечно и оттого драгоценно. Его нельзя тратить понапрасну.

Разумеется, он не верил ни в переселение душ, ни в какие другие обещания жизни после смерти, которые направо и налево раздавали мировые религии, хотя порой его посещало ощущение, будто он находится на пороге грандиозного открытия. Да он вовсе и не против мысли о том, что его собственная бессмертная душа, возможно, представляет собой объективную реальность и что духу его в конце концов предопределено величие. И все же если ему действительно предстоит этот апофеоз после жизни, то лишь благодаря тому, что он сам подготовит его своими неординарными, смелыми поступками, нисколько не полагаясь на милость божью. И если когда-нибудь он станет божеством, то только потому, что с самого начала предпочел жить как бог, жить без страха, без сожаления, не признавая никаких границ и пределов для своих бесконечно обостренных чувств.

Любой человек может почувствовать запах розы и наслаждаться им, но он уже давно научился ощущать гибель ее красоты, давя нежные лепестки в кулаке. Если бы сейчас у него в руках оказалась роза и если бы ему пришлось в голову жевать ее лепестки, он бы вкусил не только сам цветок, но и его алый цвет – точно так же, как способен он чувствовать маслянистую желтизну купальниц и

нежную, с привкусом лиловости, синеву гиацинтов. Он сумел бы ощутить даже след пчелы, которая с гудением вилась над цветком и карабкалась внутрь его чашечки, следуя извечному инстинкту опыления; и вкус почвы, на которой взросло это растение; и легкий и горячий поцелуй ветра, который ласкал цветок летним полднем.

Ему еще ни разу не доводилось встречать никого, кто был бы способен постичь напряжение, вызванное его обостренным восприятием окружающего мира, его неугомонной, нестихающей страстью и стремлением достичь еще большей глубины ощущений. Возможно, когда-нибудь – с его помощью – это поймет Ариэль. Пока же она, вне всякого сомнения, еще не готова для подобного озарения.

Последнее нажатие, последнее прикосновение к заветной кнопке. Боль – как вспышка молнии.

Он вздохнул.

С пассажирского сиденья он взял сложенный плащ. Дождь только накрапывал, но ему необходимо было прикрыть свою забрызганную кровью одежду, прежде чем идти внутрь.

Конечно, покидая дом Темплтонов, он мог бы переодеться во все чистое, но так ему нравилось больше. Ему было приятно видеть следы крови на брюках и куртке.

Встав с водительского сиденья, он шагнул в глубь машины и надел в рукава плащ. Потом тщательно вымыл руки в раковине, хотя предпочел бы, чтобы и на них остались следы его работы. Но одежду можно спрятать под плащом, а вот с руками так не поступишь.

Перчатки он не любил. Носить перчатки значило признать, что он опасается разоблачения, тогда как на самом деле это не так.

Разумеется, его отпечатки пальцев хранятся в компьютерной картотеке федеральных и местных властей, однако «пальчики», оставшиеся там, где он потрудился, никогда не совпадут с теми, что помещены в его личное дело. Полицейские – как и весь остальной мир – просто помешались на

компьютеризации, и большинство дактилоскопических отпечатков в их электронных архивах хранится в виде отцифрованной информации, обеспечивающей максимально быстрый поиск и обработку. Вот только с файлами иметь дело проще, чем со старыми добрыми досье в картонных папках, – главным образом потому, что все необходимое можно проделывать на расстоянии и нет никакой нужды вламываться в секретные архивы и хорошо охраняемые учреждения. И он умел незаметно, как призрак, просочиться в их умный компьютер, чтобы копаться там, не выходя из своего дома на другом конце страны. Благодаря своим талантам, званиям и связям он смог добраться до этой важной информации и как следует с ней поработать.

Надеть перчатки – даже хирургические, из тончайшего латекса – означало недопустимо ослабить ощущения, самому воздвигнуть барьер на пути чувственного опыта. Ему всегда нравилось медленно скользить по мягкому золотистому пушку на женском бедре, останавливаясь, чтобы почувствовать, как вырастают под пальцами пупырышки «гусиной кожи». Ему нравилось чувствовать, как пышет под ладонями жар живого тела, и следить за тем, как после смертельной игры этот жар постепенно сходит на нет. Ему нравилось убивать и чувствовать на голых руках горячее и мокрое.

Отпечатки пальцев, хранящиеся в различных досье под его именем, на самом деле принадлежат Бернару Петену – молодому солдату морской пехоты, трагически погибшему много лет назад во время учений в Кэмп-Пендлтон. А вот настоящие его отпечатки, которые он оставлял на месте преступления – порой нарочито отчетливые, оттиснутые кровью жертвы, – нельзя было найти ни в одном электронном досье ни в ФБР, ни в Департаменте автомобильного транспорта, ни где-либо еще.

Закончив с плащом, он поднял воротник и внимательно осмотрел руки. Под тремя ногтями осталась засохшая кровь, но постороннему взгляду может показаться, что это земля или солидол. И никто ничего не заподозрит. Только он один способен почувствовать запах крови сквозь черный нейлон дождевика и подкладку, ибо остальные люди не обладают столь чувствительным и изощренным обонянием, чтобы уловить этот легкий аромат. Зато, глядя на черные каемки, оставшиеся под ногтями, он будто наяву сможет услышать пронзительные вопли, раздающиеся в ночной темноте, как чудесная музыка, снова вспомнить дом Темплтонов, вибрирующий всеми стенами, словно концертный зал... Как жаль, что никто, кроме него и бессловесных, протянувшихся на долгие мили виноградников, не слышал чарующих стонов и

криков.

Если когда-то его схватят с поличным, полиция сразу возьмет у него отпечатки пальцев. Его хитрые махинации с компьютерами откроются, и в конце концов следствию, вероятно, удастся связать его с длинным списком нераскрытых преступлений. Но он не боялся. Живым его не возьмут, и он никогда не предстанет перед судом. А какие бы подробности ни стали известны судьям после его смерти, они только прославят его имя.

Его полное имя – Крейбенст Чангдомур Вехс. Из составляющих его букв можно сложить немало слов, ассоциирующихся с могуществом: БОГ, СТРАХ, ДЕМОН, ГНЕВ, ВРАГ, ДРАКОН, ГОРН, СЕКС, СМЕГМА, ИСХОД и другие. Есть среди них и слова с мистическим значением – СОН, КОВЧЕГ, МУКА, ЧУДО. Иногда последним, что он шептал на ухо своей жертве, была какая-нибудь коротенькая фраза, составленная им из того же набора. Больше всего ему нравилась одна – БОГ В СТРАХЕ!

И все же вопрос об отпечатках пальцев и других уликах оставался чисто теоретическим, поскольку его – он знал – никогда не поймают. Ему уже исполнилось тридцать три, и он давно занимался тем, что ему особенно нравилось, однако еще ни разу ему не угрожала серьезная опасность.

С собой Вехс взял только пистолет, который обычно хранился в закрытой консоли между водительским и пассажирским сиденьями, – мощный «хеклер и кох» модели «П-7». Его тринадцатиразрядный магазин он доснарядил раньше; теперь Вехс только отвинтил глушитель, поскольку сегодняшней ночью не планировал визитов в другие дома. Кроме того, сделанные им выстрелы могли повредить перегородки дефлектора, так что глушитель, возможно, стал теперь не просто неэффективным – испорченное устройство способно было существенно снизить точность стрельбы.

Неожиданно ему в голову пришла сладкая греза о том, что будет, если случится невозможное и отряды полицейского спецназа настигнут и окружают его как раз тогда, когда он будет предаваться своей излюбленной игре. Пожалуй, со своими знаниями и опытом он сумел бы превратить последующую схватку в захватывающее приключение.

Да, если и существует какая-то тайна, которая стоит за успехом Крея Вехса, то она очень проста. Это – его незыблемая вера в то, что любой поворот судьбы сам по себе ни хорош и ни плох и что один чувственный опыт по своему содержанию не может качественно отличаться от любого другого. С этой точки зрения у него не было и нет никаких оснований мечтать, скажем, о выигрыше в лотерею больше, чем о перестрелке с бойцами спецназа, да и бояться открытой стычки с представителями закона едва ли стоило меньше, чем приза в двадцать миллионов долларов. Субъективная ценность каждого переживания отнюдь не ограничивалась для Вехса положительными или отрицательными последствиями, которые оно способно было оказать на его жизнь. Значение любого опыта заключалось в том, какие новые силы ему удавалось обнаружить в себе и пустить в ход, какие широкие возможности увидеть, в какие первобытные пучины заглянуть и какие новые ощущения изведать. Напряжение и глубина – вот ключ ко всем ответам!

Вехс убрал глушитель обратно в консоль между сиденьями.

Пистолет он опустил в правый карман дождевика.

Нет, он не ждал для себя никаких неприятностей. Просто он никогда и никуда не ходил без оружия. Ни один человек не мог бы вести себя с такой осторожностью. Кроме того, случайности на то и случайности, чтобы случаться неожиданно.

Вернувшись на сиденье водителя, Вехс вынул ключ из замка зажигания и проверил ручной тормоз. Потом он открыл дверь и выбрался из кабины наружу.

Все восемь заправочных насосов оказались рассчитанными на самообслуживание. Его машина стояла у внешней сервисной зоны, которых на этой заправочной станции было две. Чтобы залить бак, Вехсу предстояло пройти в магазинчик при станции, заплатить за бензин и назвать номер насоса, которым он намерен воспользоваться.

Ночь дышала близкой бурей. Проносящийся где-то высоко над головой ураганный ветер гнал с северо-запада тяжелые массы облаков. У самой земли дыхание бури ощущалось заметно слабее, но Вехс слышал, как холодный сквозняк со стоном летит между торчащими, как зубы, бензонасосами, посвистывает у стен его дома-машины и хлопает полами плаща. Магазин – темно-коричневый «кирпич» под светлой алюминиевой крышей, с заставленной

всякой всячиной широкими окнами-витринами, – был выстроен у подножия высокой горы, поросшей могучими хвойными деревьями, и порывистый ветер, проносящийся сквозь их ветви, негромко пел свою гулкую, древнюю, одинокую песню. В этот поздний час на шоссе 101 не было никакого движения. Лишь изредка – с трубным воем, звучащим, словно крик динозавра на заре кайнозойской эры, – проносился по трассе грузовик, рассекая упругий воздух упрямо наклоненным лбом.

У внутренней зоны обслуживания стоял «Понтиак» с номерным знаком штата Вашингтон, облитый сверху желтоватым светом галогеновых ламп. Если не считать дома на колесах, это был единственный автомобиль на заправке. Наклейка на заднем бампере «Понтиака» гласила: «ПОПРОБУЙ УГНАТЬ, ЕСЛИ ТЫ НЕ ЭЛЕКТРИК». Над крышей бензозаправки горела красная неоновая вывеска: «ОТКРЫТО 24 ЧАСА В СУТКИ», которая была хорошо видна с шоссе, а ее красный огонь очень подходил к звукам, с которыми проносились по шоссе тяжелые грузовики. Багровый отблеск упал на руки Вехса, и ему показалось, что он их так и не отмыл.

Когда Вехс приблизился к входу в магазин, стеклянная дверь распахнулась ему навстречу, и оттуда вышел мужчина с большой коробкой картофельных чипсов и упаковкой коки в руках. Он был круглолиц, розовощек, с длинными баками и густыми моржовыми усами.

Указав рукой вверх, он заторопился к своей машине, бросив на ходу:

– Кажется, будет гроза.

– Вот и хорошо, – ответил Вехс. Ему всегда нравилась разгулявшаяся стихия, и чем сильнее буря – тем лучше. Он любил сидеть за рулем в грозу и смотреть, как одна за одной вспыхивают яркие молнии, как гнутся и скрипят деревья и шоссе становится скользким, как лед.

Мужчина с моржовыми усами направился к «Понтиаку», а Вехс вошел в магазин при бензозаправке, гадая, что этот электрик из Вашингтона делает здесь, на трассе в северной Калифорнии, в такой глухой час.

Его всегда восхищало то, как умело жизнь организует ему короткие встречи с незнакомыми людьми, каждая из которых несет в себе зародыш трагедии,

каждая чревата драмой, которая может произойти, а может и не состояться. Человек остановился на шоссе, чтобы залить бензин в бак, купил в лавке кока-колу и картофельные чипсы, столкнулся с незнакомцем и, отпустив малозначащее замечание о погоде, продолжил свой путь. Ему невдомек, что встреченный им незнакомец мог пойти следом к его машине и вышибить ему мозги. Кому-то использование пистолета в данной ситуации могло бы показаться рискованным, но, говоря по совести, опасность была не особенно велика. Кто-то, а Вехс сумел бы повернуть подобное дельце, и никто бы ничего не заметил, так что в данном случае вопрос о том, останется ли этот человек жив, либо был исполнен мистического смысла, либо не имел смысла вообще. Даже сам Вехс порой не мог разобраться в таких тонкостях.

Одно он знал точно: если бы судьбы не существовало, ее следовало бы придумать.

Внутри небольшого магазинчика оказалось на удивление чисто, тепло и светло. Слева от входа расположились разделенные тремя узкими проходами стеллажи со всякой всячиной, необходимой в дороге: разнообразными закусками, самыми простыми медикаментами, журналами, книгами в мягких обложках, почтовыми открытками, сувенирами и брелками для подвешивания к зеркалам заднего вида, а также отборными консервами, популярными у туристов и людей, которые, подобно Вехсу, путешествуют в домах на колесах.

У дальней стены магазина он разглядел высокие холодильные шкафы, битком набитые пивом и легкими спиртными напитками, а также два морозильника для хранения мороженого. Справа от входной двери высилась стойка-прилавок, отделявшая от торгового зала два кассовых аппарата и стол для канцелярской работы.

За кассой Вехс увидел рыжего парня лет тридцати с небольшим, с лицом, испещренным крупными веснушками; на его бледном лбу розовело родимое пятно, схожее по цвету со свежей лососиной. Это пятно, имевшее около двух дюймов в поперечнике, удивительно напоминало своими очертаниями свернувшийся внутри матки зародыш, и Вехс подумал, что это, возможно, тень брата-близнеца, погибшего во чреве матери на ранней стадии беременности и навеки оставившего свой след на челе удачливого соперника.

Рыжий кассир читал книгу в мягкой обложке. Завидев Вехса, он поднял голову:

– Что вам угодно?

Глаза у него были серыми, как зола, но пронизательными и чистыми.

– Моя машина у седьмой колонки, – ответил Вехс.

Радиоприемник, настроенный на волну кантри-музыки, голосом Алана Джексона затянул песню о полуночном Монтгомери, о ветре, о жалобных стенаниях козодоя, о ледяной тоске и одиночестве и о призраке Хэнка Уильямса.

– Как вы будете платить? – уточнил рыжий.

– Если я попытаюсь снова воспользоваться кредитной карточкой, «Бэнк оф Америка» наверняка отрядит пару своих клерков, чтобы переломать мне ноги, – беззаботно откликнулся Вехс, припечатывая ладонью к прилавку стодолларовую купюру. – Полная заправка. На мой взгляд, это должно обойтись долларов в шестьдесят.

Комбинация музыки и слов песни, странное родимое пятно и грустные серые глаза кассира наполнила Вехса ожиданием. Вот-вот должно было произойти что-то исключительное.

– Переусердствовали с картой во время рождественских распродаж? – сочувственно спросил кассир, выбивая чек. – Как и все мы?

– Пожалуй. Теперь мне, наверное, придется экономить до следующего Рождества.

Второй продавец сидел на табурете за прилавком чуть дальше. Он не работал за кассовым аппаратом, а занимался какой-то бухгалтерией или проверкой инвентарных книг. Одним словом, бумажной работой.

Вехс только глянул на него прямо, глянул и сразу понял, что это и есть та самая исключительная вещь, которую он предчувствовал.

– Вот-вот начнется гроза, – заметил он, прямо и недвусмысленно обращаясь ко второму продавцу.

Тот оторвался от своих бумаг, разложенных на прилавке. На вид ему можно было дать двадцать с небольшим, и в его жилах текло по меньшей мере четверть азиатской крови. Он был не просто красив, а больше чем красив: лицо смугло-золотистое; волосы черные, как вороново крыло; глаза живые, блестящие, словно масло, и глубокие, как колодцы. В его внешности Вехсу даже почудилось что-то мягкое, почти женственное, но не женское.

Азиат непременно понравится Ариэль. Такие, как он, в ее вкусе.

– На перевалах может стать так холодно, что выпадет снег, – отозвался черноволосый красавец. – Если, конечно, вы держите путь в ту сторону.

У него оказался приятный, почти музыкальный голос, который мог бы очаровать Ариэль. Вот уж действительно потрясающая штучка.

Остановливая рыжего кассира, который уже начал отсчитывать сдачу, Вехс сказал:

– Не спешите. Мне еще понадобится запас кукурузных хлопьев. Я вернусь, как только залью бензин в бак.

Он ушел быстро, боясь, что они почувствуют его возбуждение и насторожатся.

Хотя Вехс пробыл в магазине едва ли пару минут, ночь показалась ему значительно холоднее, чем когда он только собирался войти внутрь. Но это только взбодрило его. Ноздри уловили тонкие запахи сосен и елей – даже аромат пихтовой хвои донесся откуда-то с севера, – и он глубоко вдохнул, наполнив легкие сладостным ароматом заросших лесом гор у себя за спиной, разом почувствовав и свежесть близкого дождя, и резкий запах озона, который оставят после себя еще не выстреленные тучами молнии, и острый мускусный страх крошечных зверьков, которые дрожат сейчас в полях и лесах, предчувствуя приближение бури.

Уверившись, что убийца покинул дом на колесах, Кот прокралась к кабине, на всякий случай выставив перед собой кухонный нож.

Окна в холле и в столовой были плотно занавешены, и она не видела, что происходит снаружи, но, посмотрев сквозь ветровое стекло, Кот поняла, что машина остановилась возле бензоколонки.

О том, где может быть убийца, она не имела никакого понятия. Водительская дверца захлопнулась за ним едва ли минуту назад, так что, вполне возможно, он еще стоит снаружи всего в нескольких футах от машины.

Кот долго прислушивалась, но так и не услышала ни скрежета отвинчиваемой крышки бензобака, ни лязга вставляемого в горловину наконечника. Впрочем, судя по тому, как убийца припарковал машину, лючок бензобака в этой модели дома на колесах располагался с правой стороны, поэтому скорее всего он пошел именно туда.

Как ни боялась Кот предпринимать что-то, не зная точного местонахождения убийцы, еще больше страшила ее перспектива оставаться в этом жутком фургоне. Пригибаясь как можно ниже, она скользнула на водительское сиденье и огляделась. Фары были выключены, приборная доска не светилась, но лампочка в закутке столовой давала достаточно света, чтобы Кот легко было рассмотреть снаружи.

От соседней колонки отъехал «Понтиак». Его красные габаритные огни быстро растаяли в темноте.

Насколько Кот могла видеть, дом на колесах был единственным транспортным средством, оставшимся на автозаправочной станции.

Убийца не оставил в замке зажигания ключей, но сейчас Кот и не стала бы пытаться угнать тяжелый фургон. Два часа назад, когда она осталась одна на виноградной плантации и поблизости не было никого, кто мог бы прийти к ней на помощь, Кот могла бы попытаться сделать это, чтобы вырваться. Но здесь совсем другое дело. Здесь должны быть люди, служащие бензоколонки, да к тому же с шоссе в любой момент могла свернуть какая-нибудь машина.

Она толкнула дверь и болезненно сморщилась, так как негромкий щелчок замка показался ей оглушительным. Затем Кот спрыгнула и, ударившись о землю, упала на четвереньки. Кухонный нож выскользнул из ее руки, словно намыленный, и, со звоном упав на асфальт, отскочил куда-то в сторону.

Уверенная, что привлекла внимание убийцы и что он вот-вот набросится на нее, Кот поспешно встала на ноги. Сначала она метнулась влево, потом – вправо, потом застыла, выставив перед собой руки в жалкой попытке защититься. К счастью, пожирателя пауков нигде не было видно.

Плотно закрыв дверь, она наклонилась и принялась шарить по асфальто-щебеночному покрытию в поисках ножа. Она никак не могла найти его, но тут дверь магазина отворилась (Кот застыла на месте) и оттуда вышел высокий человек в длинном плаще. Поначалу молодая женщина решила, что это не может быть убийца, но тут же вспомнила непонятный шорох материи, который слышала незадолго до того, как преступник выбрался из кабины фургона, и сразу все поняла.

Единственным местом, где она могла спрятаться, были бензонасосы соседней зоны обслуживания, однако они находились в тридцати футах от нее – как раз на полдороге между ней и магазином, – и, чтобы достичь их, ей пришлось бы пересечь довольно широкое открытое пространство. Кроме того, убийца приближался к тому же островку с другой стороны, и Кот не сомневалась, что он успеет добраться до него первым. Тогда она окажется у него на виду.

Если она попытается обойти фургон, он непременно ее заметит и начнет спрашивать себя, откуда она взялась. Его психоз наверняка включает в себя параноический синдром, и убийца – настороженный и подозрительный – может догадаться, что все это время она пряталась в его фургоне. Он станет преследовать ее. Неумолимо и безжалостно.

И, вместо того чтобы бежать, Кот – стоило только ей увидеть выходящего из магазина убийцу – плашмя бросилась на живот. От души надеясь, что светильники ближней зоны обслуживания помешают преступнику рассмотреть ее движение, она быстро заползла под машину.

Убийца не крикнул, не ускорил шага. Он ничего не заметил.

Из своего укрытия Кот следила за его приближением. Серо-желтый свет галогенных ламп был настолько ярким, что, когда убийца подошел совсем близко, она узнала в его черных кожаных ботинках ту самую пару, которую несколько часов назад рассматривала почти в упор, спрятавшись под кроватью в усадьбе Темплтонов.

Поворачивая одну только голову, Кот наблюдала за тем, как убийца обошел фургон сзади и встал с правой стороны возле одного из бензонасосов.

Асфальт охлаждал ее ноги, живот и грудь. Кот чувствовала, как он высасывает тепло ее тела сквозь джинсы и тонкий хлопчатобумажный свитер. Вскоре она начала дрожать.

Сначала Кот услышала, как убийца снял с насоса шланг с насадкой, потом открыл люк бензобака и отвинтил крышку. По ее расчетам, на заправку механического чудовища должно было уйти несколько минут, поэтому она стала готовиться к тому, чтобы покинуть свое убежище под громкий шум падающей в бак струи бензина.

Все еще лежа на земле, Кот вдруг увидела свой кухонный нож. Он лежал на открытом месте, футах в десяти от переднего бампера. Желтый свет мерцал на лезвии.

Она уже выбралась из-под фургона, как вдруг услышала стук каблуков по асфальту. Снова заглянув под машину, Котай поняла, что убийца зафиксировал рычаг подачи на наконечнике шланга и решил пройтись. В панике она забилась обратно под фургон, стараясь, впрочем, действовать как можно тише. Ее задачу облегчал плеск бензина в наполняющемся баке.

Убийца прошел вдоль правого борта к передку машины, обогнул его и остановился возле водительской дверцы. Но внутрь не полез. Он стоял совершенно неподвижно и тихо, словно прислушиваясь. Наконец убийца сделал несколько шагов к кухонному ножу и, наклонившись, поднял его.

Кот затаила дыхание, хотя ей и казалось невероятным, что убийца сумеет понять, откуда здесь этот нож. Он никогда не видел его раньше. Он ни за что не догадается, что этот нож – из дома Темплтонов. Разумеется, странно было бы найти кухонный нож на подъездной дорожке бензозаправочной станции, однако разве не мог он выпасть из какой-нибудь машины, которая побывала здесь раньше?

Держа в руках находку, убийца вернулся к фургону и вскарабкался в кабину, оставив водительскую дверцу открытой.

Шаги по стальным плитам пола, раздавшиеся над самой головой Кот, гремели, как барабаны заклинателей душ. Судя по звуку, преступник остановился в кухне.

Вехс никогда не был расположен видеть знамения и предвестия везде, куда бы ни падал его взгляд. Даже черный силуэт ястреба, промелькнувший в полуночный час на фоне полной луны, не наполнял его предвкушением удачи или предчувствием катастрофы. Черная кошка, перешедшая дорогу; зеркало, разбитое как раз в тот момент, когда он в него гляделся; статья в газете о рождении двухголового тельца – все это нисколько его не волновало. Вехс был убежден, что сам творит свою судьбу и что подобные запредельные штучки – если они вообще возможны – являются лишь побочными явлениями, естественными спутниками того, кто действует дерзко и не боится жить глубоко и напряженно.

И все же, найдя большой кухонный нож, он задумался. Подобный предмет в его глазах не мог не обладать притягательностью фетиша и почти магической аурой. Пока он положил его на крошечный столик в кухонном закутке, где слабый свет аккумуляторной лампы сообщал острой режущей кромке влажный блеск.

Когда Вехс поднял нож с асфальта, лезвие было холодным, но рукоять показалась ему чуть теплой, словно ее чудесным образом согрело предстоящее соприкосновение с его горячей и крепкой ладонью.

Когда-нибудь он поэкспериментирует с этим странным образом утерянным и найденным клинком и посмотрит, не случится ли что-либо необычное, если он попробует со вкусом, не спеша, расчленив с его помощью кого-то подходящего. Однако для работы, которую он задумал сейчас, этот нож не годился.

Правый карман плаща весомо оттягивал «хеклер и кох», но Вехс чувствовал, что в данной ситуации даже этого может оказаться недостаточно. Разумеется, бензоколонка не находится в «военной зоне» большого города, которую то и дело принимают делить между собой конкурирующие банды, однако двое парней за прилавком, несомненно, не настолько глупы, чтобы не принять мер предосторожности. Даже Беверли-Хиллз и Бель-Эйр, населенные актерами-толстосумами и удалившимися на покой футбольными звездами, больше не

считаются безопасными, особенно по ночам, причем опасность грозит не столько обитателям этих фешенебельных районов, сколько тем, кто будет иметь неосторожность забрести туда. Эти обитатели сами могут представлять нешуточную угрозу. Иными словами, у двух парней за прилавком наверняка есть огнестрельное оружие, которым они умеют пользоваться. Чтобы справиться с ними, ему придется использовать что-то особенно мощное, обладающее внушительной поражающей силой.

Вехс открыл шкафчик слева от электродуховки. В шкафу, в специальных пружинных зажимах, хранилось короткоствольное помповое ружье фирмы «Моссберг» двенадцатого калибра, снабженное пистолетной рукояткой. Бережно вынув оружие из держателей, Вехс положил его на стол.

Трубчатый магазин дробовика был полностью снаряжен. Крейбенст Вехс хоть и не принадлежал к Американской ассоциации автомобилистов, но всегда был готов к любым неожиданностям, которые могли подстергать его во время путешествий.

На полочке в шкафу осталась коробка с патронами для ружья, которая на всякий случай всегда стояла открытой. Вехс достал несколько патронов и положил на столик рядом с ружьем, хотя и был уверен, что они вряд ли ему понадобятся. После этого он быстро расстегнул плащ, но снимать не стал. Переложив пистолет из правого наружного кармана во внутренний нагрудный, он опустил туда же запасные патроны. Вынув из ящика стола компактный «Полароид», он запихнул его в тот карман, откуда только что достал «хеклер и кох», а из бумажника извлек обрезанный по краям фотоснимок своей Ариэль – единственной и неповторимой – и спрятал его вместе с камерой.

Наконец Вехс взял в руки выкидной нож с семидюймовым лезвием – еще липкий от работы, которую он проделал в доме Темплтонов, – и вспорол им подкладку левого кармана плаща, а лохмотья ткани попросту оборвал. Теперь, если он забудется и случайно положит в этот карман мелочь, она непременно высыплется на пол.

Зато эта операция позволяла Вехсу спрятать ружье под плащом, удерживая его левой рукой сквозь дыру в кармане. Этот прием он считал очень эффективным и был уверен, что его внешний вид не вызовет никаких подозрений.

На всякий случай Вехс сделал несколько шагов к спальне и обратно, проверив, сможет ли он свободно двигаться, чтобы ружье не било его по коленям.

И еще он может положиться на быстроту и грацию, позаимствованную у съеденного в доме Темплтонов паука.

Ему все равно, что станет с рыжим сероглазым кассиром, на лбу которого красуется этакое мерзкое пятно. Что касается молодого джентльмена азиатской наружности, тут он должен быть очень осторожен, чтобы не испортить лицо. Ариэль можно показывать только первосортные фотографии.

Кот слышала, как убийца возится не то на кухне, не то в столовой. Под его весом пол слегка поскрипывал.

Оттуда, где он стоял, убийца не мог видеть, что происходит снаружи, и, положась на удачу, Кот могла бы рискнуть сделать рывок к свободе.

Но Кот решила оставаться под машиной до тех пор, пока убийца не заправится и не уедет. Только после этого она сможет без опаски добежать до магазинчика и позвонить в полицию.

Но ведь убийца нашел кухонный нож, и эта находка заставит его задуматься. Кот не представляла себе, как по ножу можно догадаться о происшедшем, однако сверхъестественный страх, который она испытывала, вселил в нее иррациональную уверенность, что стоит ей остаться под фургонном – и преступник непременно обнаружит ее. И тогда...

Она выползла из-под дома на колесах и, низко пригибаясь к земле, бросила взгляд сначала на водительскую дверь, а потом – на окна. Все окна были плотно зашторены.

Ободренная этим обстоятельством, Кот выпрямилась в полный рост и, перебежав ко внутренней зоне обслуживания, притаилась в тени между двумя бензонасосами. Убийца все еще оставался в машине.

После неприятной и холодной ночной темноты Кот попала в помещение магазинчика, освещенное люминесцентными лампами, где звучала музыка и где сидели за стойкой два молодых человека. Сначала она хотела сказать им, что нужно срочно вызвать полицию, однако, бросив взгляд сквозь стеклянную дверь, едва успевшую закрыться за ней, Кот увидела, что убийца выбрался из машины и возвращается в магазин, хотя навряд ли он успел залить бак полностью.

Он смотрел себе под ноги. Значит, он ее не заметил.

Кот быстро отступила от двери, и двое мужчин выжидательно уставились на нее.

Если она попросит их вызвать полицию, они непременно спросят, что случилось, а времени на уговоры и объяснения у нее нет. Даже для простого телефонного звонка нет ни одной лишней минуты.

Вместо этого она сказала: «Пожалуйста, не говорите ему, что я здесь» – и, прежде чем удивленные служащие успели отреагировать, шагнула в сторону, углубившись в проход между шестифутовой высоты полками с товарами. Через несколько шагов она уперлась в стену и, свернув в сторону, затаилась.

Несколько мгновений спустя она услышала, как дверь распахнулась и в магазин вошел убийца. Вместе с ним в помещение ворвались недовольные стенания ветра, а потом дверь снова захлопнулась.

Он сразу заметил, что рыжеволосый кассир и молодой азиат с глазами, блестящими, как ночное море в южных широтах, смотрят на него как-то не так – словно знают нечто такое, что знать им нет никакой возможности. Шагнув через порог магазина, Вехс едва не выхватил ружье и не расстрелял обоих без всяких предисловий, но ему удалось успокоить себя. Может быть, он просто неправильно истолковал выражения их лиц, и служащие просто любопытствуют: кто это свалился им на головы? Их недоумение можно было понять, поскольку Вехс считал себя фигурой, во всех отношениях экстраординарной. Многие люди подспудно ощущали исходящее от него исключительное могущество и интуитивно чувствовали, что он живет более насыщенной и богатой ощущениями жизнью, чем они. На вечеринках Вехс всегда пользовался особым вниманием, а женщин к нему так и тянуло – как и многих мужчин, впрочем.

Кроме того, убив работников магазина сразу, не перекинувшись с ними ни словом, он лишит себя прелюдии, форшпиля, который всегда доставлял ему особенное удовольствие.

Звучавшая по радио песня Алана Джексона давно закончилась, и Вехс, наклонив голову и прислушиваясь к доносящемуся из динамиков голосу, с видом знатока произнес:

– Боже, как мне нравится Эммайлоу Харрис! А вам? Найдется ли какой-нибудь другой человек, который сумел бы спеть так, чтобы пробирало до самых печенок?

– Она действительно хороша, – сдержанно ответил рыжий.

Раньше он вел себя совершенно естественно, теперь же был внимателен и насторожен.

Азиат промолчал, спрятав свое непроницаемое лицо за буддийской пагодой, сложенной из «Сникерсов», плиток шоколада «Хершис», пачек печенья и прочей дребедени.

– Мне больше всего нравится ее песня о домашних очагах и о вечере в семейном кругу, – молвил Вехс.

– Вы в отпуске? – уточнил рыжий.

– Черт побери, приятель, я всегда в отпуске.

– Вы слишком молодо выглядите, чтобы быть на пенсии.

– Я хотел сказать, – поправился Вехс, – что жизнь сама по себе сплошные каникулы, если правильно на нее взглянуть. Я охотился, и...

– Где-нибудь поблизости? И на какую же дичь сейчас разрешена охота?

Азиатский джентльмен по-прежнему молчал, но Вехс, поняв, что он внимательно слушает. Не отрывая взгляда от странного гостя, он взял из коробки сосиску

«Тощий Джим», содрал с нее целлофан и надкусил.

Никто из двух служащих явно не подозревал, что через пару минут они оба будут мертвы, и их коровья неспособность предчувствовать близкую опасность привела Вехса в состояние, близкое к восторгу. В самом деле, это же просто смешно! Как полезут на лоб их глаза, когда грянет помповое ружье!

Вместо того чтобы ответить на вопрос, заданный рыжим кассиром, Вехс спросил сам:

– А вы охотничаете?

– Предпочитаю рыбалку, – ответил тот.

– Никогда не интересовался. – Вехс пожал плечами.

– Здорово помогает почувствовать природу, знаете ли... маленькая лодка на озере, спокойная чистая вода...

Вехс покачал головой:

– Но ведь в их глазах ничего нельзя разглядеть!

– В чьих глазах? – удивленно моргнул рыжий.

– В рыбьих, – пояснил Вехс. – Я хотел сказать, что они – просто рыбы, и у них холодная кровь и невыразительные стеклянные глаза. Бр-р-р, мерзость...

– Ну, я, понятно, тоже никогда не считал их прелестными созданиями, однако вряд ли найдется что-либо вкуснее жаркого из собственноручно пойманного лосося или уха из форели.

Несколько мгновений Крей Вехс прислушивался к музыке, давая обоим мужчинам возможность полюбоваться им. Доносящаяся из динамиков мелодия по-настоящему тронула его, и он начал ощущать одиночество дальней ночной дороги и тоску любовника, который оказался вдали от родных мест. Нет, безусловно, его нельзя назвать бесчувственным, а порой он становился просто

сентиментальным.

Азиат откусил еще кусок сосиски. Жевал он деликатно, и его челюстные мышцы едва двигались.

Вехс решил, что отвезет недоеденную сосиску Ариэль, чтобы она могла приложить свой ротик к тому месту, где были губы этого японца или корейца. Ощущение интимной близости с красивым молодым мужчиной, которое она, несомненно, испытает, станет его подарком юной девушке.

– Скорее бы вернуться домой к моей Ариэль, – вздохнул он. – Вам нравится это имя? Разве оно не прекрасно?

– Конечно, – согласился рыжий любитель рыбалки.

– И оно ей подходит.

– Это ваша хозяйка? – снова спросил рыжеволосый, но его дружелюбие было уже не таким искренним, как в самом начале, когда Вехс сообщил, что остановился у седьмой заправки. Кассиру явно было не по себе, хотя он и пытался это скрыть. Пожалуй, настала пора слегка пугнуть обоих и посмотреть, как они прореагируют. Может быть, хоть один из них прозреет и начнет понимать, какая беда им грозит?

– Нет, – ответил Вехс. – К чему мне ярмо на шею? Может, когда-нибудь потом... Как бы там ни было, Ариэль еще только шестнадцать, и она еще не до конца созрела.

Работники магазина явно растерялись, не зная, что говорить. Шестнадцать лет – это половина того, на сколько выглядит сам Вехс. Шестнадцать лет – это ребенок. Девочка-подросток, связь с которой карается законом.

Риск был велик, но тем приятнее пощекотать себе нервы. Каждую минуту с шоссе к бензоколонке мог подъехать очередной клиент, и с каждой минутой ставки росли.

– Самая прелестная штучка, которую только можно встретить на нашей земле, – заметил Вехс и облизнулся. – Ариэль, то есть...

С этими словами он достал из кармана плаща фотографию девушки и бросил на прилавок. Оба мужчины невольно повернулись, чтобы посмотреть.

– Она – настоящий ангел, – продолжил Вехс. – Кожа такой белизны, что аж дух захватывает. Одного взгляда достаточно, чтобы мошонка загудела, как контрабас.

Рыжий кассир с едва скрываемым отвращением перевел взгляд на счетчик подачи топлива, расположенный слева от кассы, и неприязненным тоном сообщил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/din-kunc/ocharovannyu-krovu/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Пино нуар и гренаш – сорта крупного черного винограда. – Здесь и далее прим. пер.

2

Уайл Э. Койот – легендарный американский охотник.

3

«Бэтмобиль» – машина Бэтмена, персонажа одноименного мультфильма.

4

Индианаполис-500 – название скоростного шоссе в штате Индиана.

5

Cojones – яички, тестикулы (исп.).

6

Tableau – живописное изображение, живая картина (фр.).

7

Sotto voce – тихим шепотом (ит.).

8

Пинакль и «девятка» – название карточных игр.

9

Бонни и Клайд – реально существовавшие гангстеры, прославившиеся благодаря многочисленным кинофильмам и мюзиклам.

Купить: <https://tellnovel.com/din-kunc/ocharovanny-krovyu-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)